

АВТОБИОГРАФИЯ ТИХОНА МАКАРОВА

Мой путь

Тихон Макаров

Откуда берется вкус духовной жизни, как он теряется и как возвращается, об этом, если разобратся, вся эта книга.

TEOLOGMAK.RU · 2026

Все права принадлежат Господу.

Электронное издание. Версия текста от 13.09.2026. Свежая версия и видео:
<https://teologmak.ru/bio>

Файл можно свободно пересылать.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	1
-------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
--------------	---

Сибирь

1. Наугоград, шантаж и сентиментальность	6
2. Клятва матери и игры под мантры	8
3. Пыльная Гита и Лев Николаевич	9
4. Выбор веры и миражи любви	11
5. Монастырь, ледяная вода и костер из книг	14
6. Дементоры и тайные общества	17
7. Зашарпанный барак, Вишну и вкусный торт	20
8. Снежный плен, ангина и слезы покаяния	22
9. Магия живых людей и светящиеся пальцы	24
10. Ночные пиры, поломойка и случайная проповедь	27

ЧАСТЬ ВТОРАЯ	29
--------------	----

Канада

11. «Пусть тебе не будет счастья» и канадский капкан	30
12. Скользкие водоросли и капиталистическая скорая помощь	34
13. Католическая церковь, ледяной алтарь и сбежавший гость	36
14. Ветераны и мое раздутое эго	40
15. Десять минут, которые я не запомнил	42
16. Галерея неизвестных праведников	43
17. Монтировка, морфин и мерки святости	45
18. Крокодилчик на лекции	46
19. Святой с тележкой из супермаркета	48
20. Тошнота от фальши	49
21. Живая любовь вместо бронзового памятника	51
22. Армейские шкафчики, клопы и перезагрузка жизни	52
23. Хронометраж и потерянные минуты	54
24. Невидимая связь с духовным учителем	56

25. Благословение аскезой	57
26. Рай для сладкоежек	57
27. Фокус с «флаером» и сбежавший ум	58
28. Совершенство йоги на костылях	61
29. Чудеса и недоброжелатели	62
30. Марафон длиною в шестнадцать часов	64
31. В ловушке гордыни и пустом храме	66
32. Меч для очищения мира	67
33. Сейф с сокровищами	69
34. Ночные маски-шоу и духовный клептоман	70
35. Извинения, зашедшие не туда	72
36. Тигры, иллюзии и настоящая вера	73

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ 75

Индия

37. Идеальная открытка и индийская реальность	76
38. Темная подворотня и глупый страх	78
39. Вальяжно на переднем сиденье	80
40. Священный пирожок и урок принятия	82
41. Духовный восторг в ледяном туалете	83
42. Слон в посудной лавке и незаметные мудрецы	84
43. Пир из шестнадцати блюд в земляной хижине	85
44. Поляк Махашринга и каша на всю деревню	87
45. Банановые листья и песни в огне	88
46. Гирлянды в ночи	90
47. Тиртха Павана	91

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 93

Автобус «строгого режима»

48. Автобус	93
49. Тяжелая ночь	96
50. Духовный аферист и гостеприимные нудисты	99
51. Десант в холостяцкую берлогу и партизанская проповедь	100

52. Шальная энергия и смена курса	101
53. Чемпионат по глупости и аскетизму	103
54. Райские восходы и ледяное чистилище	104
55. Сковорода и наглость миссионера	106
56. Духовный спецназ и студенты с косяками	108
57. Оскверненный суп и квартира наркодилера	109
58. Девушка под ливнем	111
59. Вкус, который меняет все	113
60. Ловушка зоны комфорта и полет в пике	114
61. Раскол в команде и война амбиций	116
62. Конкуренция во имя Бога	117
63. Развал и мнимое возмездие	119
64. Анатомия конфликта, Божий план и наше эго	120
65. Эпилог канадской истории	122

ЧАСТЬ ПЯТАЯ 125

Возвращение в Россию

66. Зияющая дыра и тоска по Богу	126
67. Город, в котором меня нет	127
68. Маяपुरские курсы и организационная слепота	128
69. Куда мне ехать дальше?	130
70. Из канадских прерий в московские ашрамы	131
71. Как отличить повод от причины	132
72. Синдром спасителя и учебник за месяц	134
73. Небожители, бессмысленные собрания и пробка от шампанского	136
74. Одиночество в толпе и симптомы выгорания	139
75. Как перестать быть монахом в аэропорту	141
76. Свадьба за неделю и жизнь в прихожей	142
77. Слон в комнате и температурный конфликт	143
78. Правило «не расходиться» и бумеранг оскорблений	145
79. Кто выносит мусор в духовной семье?	146
80. Откуда берутся деньги, или Уроки английского в алтарной	147

Дороги

81. Ростов-на-Дону, две сумки и чужие антресоли 151
82. Необходимость наладить быт 153
83. Иллюзия «И так сойдет» 154
84. Спасательный круг и загородные встречи 155
85. Черная плесень и фарфоровый сапожок 156
86. Испытание медными трубами и летящие помидоры 158
87. Хлеб с маслом 161
88. Валенки в Омске и клопы в Москве 163
89. Как ругаются мудрецы 164
90. Бомбейский экодом, крысы и летучие мыши 165

Последние десять лет

Предисловие

Однажды моя супруга Евгения прочитала заметку, в которой я поделился чем-то личным, и сказала в свойственной ей шутиливой манере: «Наконец-то ты что-то дельное написал, что-то живое, а то одна философия, одна философия, читать невозможно...»

Я задумался и понял, что она права. Умных книг, лекций и курсов сейчас много, а вот возможностей прикоснуться к живому, непричесанному опыту другого человека значительно меньше. Между тем настоящая трансформация в нашем сердце обычно происходит не через красивые лозунги и гипотетические размышления, а через рассказ о том, как кто-то сам, спотыкаясь, пытался жить с Богом.

Писать автобиографию — затея, прямо скажем, самонадеянная. Мир полон великих людей, чьи жизни действительно вдохновляют, так зачем читать о пути самого обычного человека? Но в этом и дело. Читая жития святых, мы часто не можем соотнести их жизнь со своей, потому что слишком велика разница. А попытки такого же несовершенного искателя, как мы сами, примерить на себя гораздо проще. Поэтому это не мемуары и не пример для подражания, а попытка оглянуться назад и честно разобрать свои первые шаги. Что я делал правильно, где спотыкался и каких выводов вовремя не сделал.

Я писал эту работу прежде всего для тех людей, что верят в Бога, но не очень понимают, что им с этой верой делать. Вроде веришь, а как это должно проявляться в жизни, неясно. Я сам

был таким в семнадцать лет, когда уже осознал существование Бога, но еще не начал вести духовную жизнь. Откуда берется вкус духовной жизни, как он теряется и как возвращается, об этом, если разобраться, вся эта книга.

Большую часть описанных здесь лет я прожил сначала монахом, а затем семейным человеком в вайшнавской традиции. Это древняя индийская линия, признающая, что существует один Бог, как бы Его ни называли в христианстве, иудаизме, исламе или вайшнавизме. В России ее последователей чаще называют кришнаитами. Но поскольку для многих это слово приобрело несколько пренебрежительный оттенок, я буду использовать менее привычный, но более точный термин — вайшнав.

У читателей, выросших в другой культурной или религиозной среде, закономерно возникнет вопрос: так кто же я? Вайшнав или принадлежу к какой-то другой конфессии?

Если переводить слово «вайшнав» с санскрита буквально — это «тот, кто поклоняется Всевышнему». В этом смысле — да, я вайшнав. Если же вы спрашиваете в узкоконфессиональном ключе, ответить однозначным «да» или «нет» я не смогу.

С одной стороны, я тесно связан с этой традицией почти всю свою сознательную жизнь. Я и сейчас живу в поселении, где живут только вайшnavы. У меня есть духовный сан, и более того — я почти десять лет отвечал за подготовку преподавателей теологии по всей России, а какое-то время и по всему миру. Сказать «нет» было бы откровенной ложью. Но и сказать просто «да» я не могу, потому что не отождествляю себя с конкретным вероисповеданием и не согласен с некоторыми интерпретациями, которые есть в разных вайшнавских школах мысли. Я — искатель Истины. Мне ближе называть себя исследователем духовной науки.

Просто так вышло, что мои поиски проходили по большей части именно внутри вайшнавской традиции. Почему так? Во-первых, так сложилось исторически, и об этом вы скоро прочитаете. Во-вторых, мне оказались близки дух этой традиции и ее взгляд на Бога. Я не утверждаю, что он превосходит другие взгляды. В своей книге «Сердце веры» я подробно объясняю, как разные религии смотрят на Всевышнего через разные призмы, и эти взгляды нельзя мерить категориями «лучше» или «хуже». Но лично мне этот ракурс показался наиболее притягательным. И, в-третьих, любая традиция проживает разные эпохи. Христианство времен первых апостолов, эпохи Византийской империи и наших дней — это все то же христианство, но с совершенно разными оттенками. После прихода пророков или великих святых традиция бурлит, как горная река, а со временем успокаивается, превращаясь в широкую, плавно текущую равнинную гладь. Меня глубоко тронула личность А. Ч. Бхактиведанты Свами Шрилы Прабхупады — святого, который полвека назад открыл вайшнавизм западному миру. Благодаря ему эта традиция на моем веку была похожа на ревущий водопад, и именно эта живая, кипящая энергия меня и привлекла. Так что для меня был важен даже не столько выбор самой традиции, сколько тот уникальный исторический момент, в котором она находилась.

Мне бы хотелось отдельно подчеркнуть, что эта биография составлена вовсе не с целью обратить кого-то в вайшнавизм. Она написана для того, чтобы помочь каждому идти своим собственным путем к Истине. Декорации у нас с вами могут различаться, причем порою кардинально, но внутренние уроки, поиски смысла и ловушки эго универсальны. И мне хочется верить, что тем, кто только делает первые шаги, пригодится опыт

человека, вышедшего на этот маршрут чуть раньше и уже набившего те шишки, которые другим еще только предстоят.

Так что устраивайтесь поудобнее. А я начну свой рассказ...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сибирь

Главы 1–10

1

Наукоград, шантаж и сентиментальность

Я родился в Академгородке под Новосибирском.

В те годы это был настоящий наукоград, где жило много ученых, потому что вокруг располагались институты ядерной физики, теплофизики, вычислительной математики и другие. И атмосфера района располагала к рациональному взгляду на жизнь. Мои родители, как и многие вокруг, были инженерами, но при этом оставались верующими. Отец в меньшей степени, мама в большей, но вера ее была достаточно сентиментальной.

В раннем детстве я не сомневался, что Бог есть. У нас в зале висела старинная икона Божьей Матери, которой было около двухсот лет. Я помню, как лет в пять молился перед ней, особенно горячо, когда родители задерживались на работе и мне становилось страшно одному. Если их не было слишком долго, в ход шли детские ультиматумы. Я стоял перед иконой и на полном серьезе шантажировал Господа: «Если они сейчас же не приедут, если с ними что-то случилось, я больше никогда не буду в Тебя верить!»

Но время шло. Научная среда Академгородка приучала к аргументированному подходу к реальности, и во мне начал зреть протест. Меня, с моим природным неприятием беспочвенных эмоций, стала раздражать мамина сентиментальность, и мне казалось, что именно в религиозности необоснованные чувства достигают апогея. В итоге этот внутренний бунт сделал меня атеистом. Это был даже не атеизм как таковой, а протест против всего, что не подкреплено разумом. Так Бог ушел из моей картины мира более чем на десять лет.

Эмоции в духовной жизни, если их не уравнивает трезвое понимание, легко вырождаются в сентиментальность. Но и один рационализм, хорошо отвечая на вопрос «как все устроено», ничего не может ответить на вопрос «зачем». Кстати, та детская реакция на беспочвенную сентиментальность до сих пор мешает мне в духовной жизни, иногда не позволяя по-настоящему раскрыть сердце. Где-то внутри по-прежнему живет ощущение, что сильные чувства в религии немного фальшивы. Но если обрести правильное знание о мире и не обрести правильных чувств, выстроить живые отношения с Богом очень трудно. Поэтому чувства не нужно подавлять, их нужно вернуть на новом основании, и над этим я работаю до сих пор.

Но вернемся к истории. Я не буду описывать здесь всю свою жизнь в детстве, а расскажу лишь о тех моментах, которые шаг за шагом вели меня к моему пути.

2

Клятва матери и игры под мантры

Первый такой момент случился, когда мне был год и два месяца, то есть я только начинал ходить. Меня по недосмотру накормили супом, в котором осталась острая куриная косточка. Она прорезала мне кишечник в нескольких местах, и я оказался на операционном столе с перитонитом. Во время операции у меня на три минуты остановилось сердце. А вечером хирурги вышли к родителям и сказали: «Мы его зашили, но он вряд ли переживет эту ночь».

Для родителей это был, конечно, ужасный шок, они посидели за одну ночь. Мама провела эту ночь в часовне, молясь о чуде, и в какой-то момент пообещала Богу, что если я выживу, то посвящу свою жизнь служению Ему. Меня, разумеется, никто не спросил. Но сейчас я, в общем-то, не в обиде за то, что меня без спроса «продали» Небесам.

Не знаю, повлияла ли эта молитва или таков был изначальный план судьбы, но я выжил, хоть это и оставило след на моем здоровье на всю жизнь. Раньше я воспринимал эти ограничения как помеху. А теперь думаю, что это просто регулярное напоминание о том, что я живу в этом мире «в долг», и это хорошо подстегивает не останавливаться на своем пути.

Следующее соприкосновение с духовным миром произошло у меня лет в тринадцать, и выглядело оно довольно комично. У

меня был друг детства, который однажды познакомился с вайшнавами, последователями той самой индийской традиции. Он стал читать их книги и даже отказался от мяса. Наше общение тогда выглядело так, что мы сидели перед пузатым монитором и рубились в компьютерные игры, а на фоне играли индийские мантры. Параллельно он рассказывал мне о вегетарианстве и о том, чем человек отличается от животного.

Если честно, тогда я не понял ровным счетом ничего. Музыка мне не понравилась, а идеи показались странными или как минимум не имеющими ко мне отношения. Вскоре и он это оставил, мантры сменились обычной музыкой, и мы надолго забыли об этом опыте. Но зерно было брошено. Через несколько лет и его вегетарианство, и мысль о том, что восточную философию стоит изучить, все же проросли в моей голове.

Мы иногда сами не замечаем, как влияем на других. Человек может не принять наши ценности здесь и сейчас, но то, как мы живем, все равно оставляет в нем след. Поэтому осмысленная жизнь по своим убеждениям, пожалуй, лучший способ рассказать о них и помочь людям приблизиться к духовной жизни.

3

Пыльная Гита и Лев Николаевич

В школьные годы я был эдаким хамелеоном с раздутым самолюбием. Мне несколько раз приходилось менять классы, и каждый раз я старался стать лучшим в том, что ценилось в новом коллективе. Если в моде была учеба, я был ярым отличником, а если бунт, то главным прогульщиком.

Во время одного из таких бунтарских периодов я вместо уроков уезжал в торговый центр, садился в кафе и запоем читал. Так я прогулял целую четверть (за что мне потом знатно досталось) и перечитал почти всю нашу небольшую домашнюю библиотеку. Нетронутыми остались только Большая советская энциклопедия да загадочная книга с непонятным названием «Бхагавад-гита как она есть». Правда, все эти годы протирать пыль на книжных полках было моей обязанностью по дому, так что какую-то пользу от неосознанного служения этой книге я, уверен, все-таки получил.

Почему-то я в упор не замечал эту книгу. Или, возможно, открыл, испугался незнакомых санскритских слов и тут же закрыл, сейчас уже не помню. Видимо, готовности к ней у меня не было, и мне предстоял долгий обходной путь.

После скандала с прогулами родители перевели меня в более сильную школу, чтобы я как следует готовился к поступлению в университет. Я с головой ушел в учебу, отложив на потом и друзей, и отношения. В шестнадцать лет я поступил на механико-математический факультет НГУ, который тогда был, пожалуй, одним из двух лучших в стране наряду с МГУ. Первое полугодие прошло хорошо. А после первой сессии случился... Лев Николаевич Толстой.

К тому времени я давно забросил художественную литературу и даже выпускное сочинение по «Войне и миру» писал наугад, потому что понятия не имел, о чем эта книга. Но в университете мне вдруг с нескольких сторон начали советовать ее прочитать. И вот на каникулах после экзаменов я открыл первый том.

Толстой с первых страниц погрузил меня в свой мир. Каникулы закончились, а его книг оставалось еще много, так что я вернулся к своей старой тактике, то есть уезжал в университет,

но шел не на лекции, а в читальный зал. За «Войной и миром» последовала «Анна Каренина», где в образе Левина Толстой описывал себя и свой путь от атеизма к вере. На меня такая трансформация, произошедшая в мыслящем и глубоком человеке, произвела тогда серьезное впечатление.

Дальше был роман «Воскресение», а затем все, что он написал после «Анны Карениной». В общей сложности около шестидесяти томов рассказов, дневников, писем, философских трактатов и переводов Евангелия. В конце жизни Лев Николаевич был очень религиозен, и я прочитал все до последней строчки. С каждым годом его тексты все больше пронизывала идея служения Богу, и эта идея начала преображать и меня.

4

Выбор веры и миражи любви

Толстой совершил во мне первый большой сдвиг. Он поймал меня на мою привязанность к чтению и провел через весь путь, который прошел сам. Он не оставил меня витать в облаках над небом Аустерлица, но и не дал застрять в житейской мудрости, а повел дальше. Сейчас я думаю, что Бог обычно так и приходит к человеку. Он не требует, чтобы мы сначала стали другими, а берет то, что мы и так любим, будь то книги, музыка, наука или друзья, и через это начинает с нами разговор. Поэтому не стоит ждать, пока ты станешь «достаточно духовным», чтобы Он тебя заметил. Он уже говорит с тобой на том языке, который ты понимаешь, и вопрос только в том, слушаешь ли ты.

Я помню переломный момент. В разгар чтения всех этих томов я лежал на кровати, уставившись в потолок, и часами гонял

в голове одну мысль: «Существует ли Бог на самом деле? Или это просто красивая концепция, не имеющая отношения к реальности?»

В конце концов я встал с кровати с решением. Никакого мистического озарения не было, свет на меня не снизошел. Я не был уверен, но просто сознательно решил, что буду верить в Его существование. В тот момент это ощущалось так же буднично, как решить съесть на завтрак овсянку вместо манки. Но с этого момента все изменилось. Когда я читал размышления Толстого о природе мира или Библию, меня порой с головой накрывали волны счастья. Я, скупой на эмоции семнадцатилетний подросток, в прямом смысле прыгал на кровати от переполнявшей меня радости.

Удивительно было вдруг почувствовать, что ты вечен, и понять, что этот мир не случайное столкновение молекул, а полная гармонии задумка, что в мире разлита красота и у этой красоты есть Источник. Тогда я, правда, еще не понимал, что Господь Сам красив, и думал о Нем лишь как об источнике красоты этого мира. Именно тогда, при всей своей приземленности, я по-настоящему стал верующим. Тогда же, кстати, отказался и от мяса, просто поняв, что у животных тоже есть душа и я не хочу причинять им лишние страдания.

Из той истории я вынес одну мысль, которая потом много раз подтверждалась. Мы часто ждем, что вера придет как чувство, что однажды нас озарит, и тогда мы начнем по-настоящему верить. У меня было наоборот. Сначала было решение, сухое и почти бытовое, и только потом пришла радость. Думаю, так устроены любые отношения. Пока ты стоишь в стороне и ждешь уверенности, она не приходит, потому что уверенность рождается внутри отношений, а не до них. Если бы я тогда ждал озарения, я бы, наверное, ждал до сих пор.

Параллельно с этим я влюбился. Произошло это до смешного нелепо. Я близорук, в тот момент был без очков и влюбился в девушку, которую увидел со спины метрах в ста от себя. То есть, по сути, я влюбился в размытое пятно, с которым когда-то учился в одном классе.

Может показаться, что это не имеет отношения к духовному поиску, но это не так. Видимо, этот опыт был мне тогда нужен, чтобы лучше понять природу отношений с Господом, и потому он свалился на меня неожиданно, минуя всякую логику. Когда мы влюблены, мы идеализируем того, кого любим. Нам хочется служить этому Идеалу и делать его счастливым, мы боимся оказаться недостойными и потерять эту связь. И это очень близко к тому, какими могут быть наши отношения с Господом.

Но беда нашего земного существования в том, что на место настоящего Идеала, то есть Бога, мы постоянно ставим кого-то другого и в другом человеке пытаемся найти абсолют. Конечно, в каждом есть душа, частичка этого Идеала. Но мы отождествляем душу с телом и психикой, которые не могут быть идеальными, и со временем наши представления об Идеале разбиваются на мелкие осколки. В этом смысле земная любовь часто лишь мираж. Но в самом этом искреннем порыве служить мы чувствуем энергию, которая из всех земных чувств ближе всего к настоящей духовной любви. Объект моей влюбленности тогда был ложным, но энергия этой влюбленности пробудила мою душу.

5

Монастырь, ледяная вода и костер из книг

Влюбленность и смена мировоззрения выбили у меня почву из-под ног. Я почувствовал, что все, чем я жил раньше, лишено смысла. Какой может быть смысл в чем-то мирском, если однажды нам все равно придется это оставить? И какой толк проживать жизнь в погоне за комфортом, если ради этого придется жертвовать тем, что действительно наполняет нас жизнью?

Правда, как жить по-новому, я не понимал. Другого занятия у меня не было, так что я продолжал ехать по старой колее, то есть слушал музыку, играл в компьютерные игры, учился и общался с друзьями. При этом я запоем изучал Евангелия, Платона, Канта, Коран, Каббалу, тексты Блаватской и «Тибетскую книгу мертвых». И ждал, что вот-вот случится что-то большое. Я даже всерьез рассчитывал на какой-нибудь мировой катаклизм, после которого мне придется помогать отстраивать новую цивилизацию на правильных ценностях...

Каким-то чудом я доучился до третьего курса мехмата, хотя по многим предметам ни разу не появлялся на занятиях и не знал преподавателей в лицо. Но в итоге я ушел в академический отпуск, перестал общаться со сверстниками, и моим кругом общения стали философы, которым было за пятьдесят. Мы обсуждали с ними разные концепции устройства мира, они советовали мне, что еще почитать... Но книги книгами, а мне хотелось живого опыта. И я решил пожить в православном монастыре.

Это был небольшой монастырь прямо в черте города, поэтому богословских курсов там не было, зато хватало людей,

прибавившихся к церкви не от хорошей жизни. А степень их искренности, как и трезвости, была очень разной.

Подъем был в пять утра. Душа не было вовсе, мылись раз в неделю в местной бане, что порой сопровождалось порцией спиртного (впрочем, что-то мне подсказывает, что это была чисто местная традиция). В половине шестого начиналась утренняя служба, слов которой я не понимал. Весь остальной день мы мели дворы, чистили картошку или занимались стройкой. Ели три раза в день, все вместе, строго по расписанию. Быть вегетарианцем там оказалось легко, потому что мяса в монастыре не ели вообще, а рыбу и яйца подавали только вне поста и отдельно от других блюд. Перед едой мы вместе молились, а заканчивали по колокольчику настоятеля. Если он решал, что трапезу пора заканчивать, то звонил, и все должны были остановиться, даже если еще не доели. После этого он давал настройку на день и направлял на послушания. Разговаривать с женщинами, иметь мобильный телефон и выходить за террито-

рию было строго запрещено. Вечером была еще одна служба, а к девяти мы все уже спали.

По ночам мы, начинающие послушники, по очереди дежурили, то есть охраняли территорию, потому что монастырь стоял рядом с неблагополучным районом. Сутки через трое ты ходишь по двору до пяти утра, а потом отсыпаясь. Однажды я отдежурил свою смену, но меня попросили помочь и на следующую ночь. В пять утра, сдав вахту, я лег спать. А в половине шестого настоятель, которому забыли сказать о моем дежурстве, окатил меня прямо в постели ведром ледяной воды за то, что я проспал службу. Практики пробуждения там были запоминающимися. А чуть позже кто-то из послушников нашел мои книги по восточной философии, и их сожгли как богопротивные. Философии там не учили, а на мои вопросы никто не смог ответить так, чтобы я почувствовал внутреннее удовлетворение, поэтому спустя несколько недель я ушел. Конечно, в семинарии или в большом монастыре с опытными старцами все было бы иначе, и будь я тогда искреннее, я бы поехал искать таких старцев. Но тогда я искал не людей, а знаний. Урок, который я вынес из того монастыря, такой. Православие прекрасно, но многие люди именно там исполняли обряды механически, не понимая глубоко ни своей религии, ни других. А без настоящего понимания духовных истин и живого вкуса к духовной жизни у них просто накапливалось раздражение и проявлялись далеко не самые светлые качества. И я сейчас говорю это не для критики тех послушников, ведь это, так или иначе, великие люди, раз из разных возможностей выбрали все же жизнь с Богом, а ради того, чтобы подчеркнуть важность понимания духовной философии и сути практики, чтобы наша деятельность по-настоящему трансформировала нас.

6

Дементоры и тайные общества

Глубоко соприкоснуться с православием в тот момент у меня не получилось, а поверхностное знакомство создало искаженное представление об этой традиции и скорее оттолкнуло меня. Я снова оказался на распутье, не зная, куда податься. Идти в официальную религиозную организацию мне не хотелось. Не хотелось и быть диванным философом, который что-то изучает, но не живет этим и не имеет круга единомышленников. Мне пришла в голову мысль, что раз истину так сложно найти в открытой литературе, значит, ее нужно искать в каком-нибудь тайном обществе. А единственным хоть сколько-нибудь подходящим обществом, о котором я знал, были масоны.

В тот же период я снова влюбился, и в моей голове дело шло к свадьбе. Но отношения оборвались по инициативе девушки. Я не самый сентиментальный человек, и нервы у меня достаточно крепкие, но тогда меня это сломало. Помню, как ехал в автобусе и чувствовал, что могу сейчас сойти с ума. Сознание будто сжалось в одну точку, а вокруг кружили дементоры, высасывая всю радость. Я даже начал ходить по салону и что-то делать, не важно что, просто чтобы отвлечься и не дать психике сломаться.

Эта боль забрала у меня последние надежды на тихое счастье в обычной земной жизни. И, как ни странно, именно это крушение надежд стало шагом к моему настоящему пути. Много позже я написал той девушке письмо с благодарностью, потому что если бы не те события, до духовной жизни я бы, пожалуй, не дошел. Кстати, пути Господни неисповедимы, и

много лет спустя она сама пришла к духовной жизни, отчасти при моем участии, но это уже другая история.

Пару месяцев спустя, все еще в разобранном состоянии, я пришел к другу на день рождения. Людей было много, и, чтобы уйти от суеты, я вышел из-за стола на кухню, где оказался с неким композитором и его другом по имени Давид. Давид оказался мне очень необычным, глубоким человеком, таких я раньше не встречал. Помня о своих поисках «тайного общества», я полушутя сказал: «Мне кажется, вы масон».

К моему удивлению, Давид смутился. Он решил, что я каким-то образом его раскусил, потому что он действительно был масоном. Отпускать его после этого я уже не собирался, взял номер телефона, и мы начали общаться почти каждый день. Выяснилось, что он к тому же католический священник. Мы сдружились, через день часами гуляли по лесу и обсуждали разные вопросы о жизни. Он отговорил меня становиться масоном, но спустя несколько месяцев неожиданно предложил: «Летом я еду в Ватикан. Хочешь со мной? Я устрою тебя в семинарию, а оттуда в Опус Деи». Это было еще одно, как бы тайное, объединение внутри Католической церкви.

В России меня ничего не держало. Университет я бросил, родители уже теряли терпение, глядя на мое, как им казалось, безделье, и перспективы мои были туманными. Так что я согласился поехать учиться на католического священника.

Но на дворе стояла зима, и до отъезда в Рим оставалось еще полгода. Я решил, что лучшей подготовкой, которая не вызовет у родителей подозрений, будет снова пожить в том самом православном монастыре. Но там не оказалось мест, потому что приехали гости, и мне сказали подождать пару недель.

Я начал ждать. Это был период, когда меня носило в разные стороны, потому что я от всего оторвался, но ни к чему еще не привязался. Меня тянуло на самые необычные занятия, и я, например, записался участвовать в ночных гонках стрит-рейсеров.

И вот картина. Летом я должен уехать в Ватикан учиться на священника, а пока жду места в православном монастыре. Завтра ночью у меня нелегальные уличные гонки. А сегодня вечером мой друг-масон зовет меня на какой-то «фестиваль индийской музыки».

7

Зашарпанный барак, Вишну и вкусный торт

На дворе было 31 января. Настроение после того разрыва все еще было скверным, и по дороге на фестиваль у меня в наушниках звучал голос Кипелова, немного надрывно певшего «Я свободен». И на сердце почему-то лежало тяжелое чувство, будто я иду не в том направлении.

Оказалось, что Давид позвал меня на тот «фестиваль» не просто так. Ему дали задание пройти по разным религиозным движениям и посмотреть, как они проповедуют и как устроена их жизнь (кстати, хороший способ перенимать чужой опыт и учиться на чужих ошибках). И вот в рамках этой экспедиции мы оказались на фестивале индийской духовности.

«Фестиваль» проходил в старом, достаточно зашарпанном здании, которое тогда арендовала местная община вайшнавов. Нас, гостей, было человек семь, а хозяев не больше десяти. Сначала нам рассказали о необычных музыкальных инструментах и спели. С музыкальной стороны мне все понравилось, но ничего духовного я не почувствовал.

Затем началась лекция. Если честно, на мой взгляд, это была одна из худших тем для первого знакомства с традицией. Нам рассказывали, как где-то в большом океане на гигантской змее

возлежит четырехрукий Вишну (так в индийской традиции называют один из образов Бога), который своим потом этот океан и создал, а из Его пупка растет лотос, на котором рождается четырехголовый творец нашего мира.

Я сидел и пытался все это переварить. Понял я только то, что творец из лотоса, видимо, и есть в их описании тот Бог, в которого я верил. Но, как ни странно, меня это заинтриговало. Я, воспитанный на Каббале, западной и восточной философии, но никогда не интересовавшийся индуизмом, подумал: «О, это же аллегии. Наверняка за этими многорукими божествами зашифровано устройство Вселенной, какое-то тайное знание, недоступное простым смертным».

В конце ведущий упомянул, что у них есть образовательная программа, на которой можно подробно изучить эту древнюю литературу. Я обрадовался, потому что решил, что там-то мне и дадут ключ к этому шифру, и представлял себе что-то вроде семинарии или тайных встреч для посвященных. Забегая вперед, скажу, что это оказался обычный домашний кружок в разваливающемся деревянном бараке. Но тогда, доедая в конце программы кусок очень вкусного торта, я был заинтригован.

Тогда я еще не знал, что этот зашарпанный зал, два десятка человек и странная лекция перевернут несколько жизней, в том числе мою. Иногда нам кажется, что нам нечего предложить людям и что для того, чтобы привнести в этот мир духовность, нужны особые условия. Но на самом деле нужно просто искренне делать свое дело, а Бог уже сам найдет способ достучаться до тех, кто готов.

Здесь есть и другой урок. Я искал истину в тайных обществах, потому что мне казалось, что настоящее знание должно быть спрятано, а значит, ключ к нему это доступ к посвященным. А Бог ничего не прячет. Он всегда рядом и всегда открыт,

и вся тайна не в том, что Он скрывается, а в том, что мы не готовы. Бог открывается не тем, у кого есть пропуск, а тем, кто честно ищет.

8

Снежный плен, ангина и слезы покаяния

Впечатленный фестивалем, я решил пропустить ночные гонки и через пару дней поехал на тот самый «образовательный кружок» в деревянном доме.

Я сидел среди людей и периодически пихал соседей локтем с вопросом: «Ты хоть слово понимаешь из того, что они говорят?» Иногда меня спрашивали мое мнение, и я с умным видом говорил что-то из западной философии. А поздно вечером один из ребят вызвался развезти нас по домам или до нужной остановки. Это, кстати, меня очень подкупило, потому что люди тратили часы своего времени, просто чтобы позаботиться о других.

Но когда мы выезжали со двора, машина намертво увязла в сибирском снегу, и мы откапывали ее два часа. Была уже полночь, автобусы до моего Академгородка не ходили, так что этот парень позвал меня ночевать к себе. До трех ночи мы спорили. Я с пеной у рта доказывал, что Бог есть безличная энергия, потому что тогда увлекался идеями восточной философии о Боге как о безличной силе, а он отстаивал идею Бога как Личности. А потом, перед сном, я увидел, как он бережно укладывает спать свои алтарные фигурки. Вайшнавы почитают Бога в образе небольших статуэток, примерно как православные почитают икону, и это было частью его духовной практики. В этом было

что-то настоящее, и я почувствовал, что у него есть живая практика, а у меня только теоретические споры.

Тогда я не понимал, почему этот спор так важен, а сейчас считаю его одним из главных в жизни. Пока Бог для тебя безличная сила или закон мироздания, у тебя не может быть с Ним отношений. Закон можно изучать, силу можно использовать, но им нельзя сказать «спасибо» и нельзя признаться в любви. А с Богом как с Личностью можно говорить, можно спорить, можно просить прощения и можно служить Ему так, как служат тому, кого любишь. Именно поэтому меня так задело, как тот парень укладывал спать свои фигурки. С безличной силой так не обращаются. Это общее для всех, кто верит в живого Бога, в какой бы традиции они ни выросли, и с этого начинается вера, которая меняет жизнь, а не только картину мира.

На следующий день я приехал домой, и у меня ожидаемо заболело горло после двух часов на сибирском морозе. Две недели я провалялся с сильной ангиной. Делать было особо нечего, так что я открыл локальный торрент-трекер, нашел папку «Лекции по Ведам», где все имена лекторов были для меня совершенно непризнанными, выбрал того, кто стоял первым в алфавитном списке, и начал слушать.

Все две недели я слушал эти записи часов по шестнадцать в день, параллельно играя в компьютерные игры или лежа в постели. И в какой-то момент меня прошибли истерические слезы раскаяния. Я рыдал, прося у Бога прощения за все глупости, ради которых жил до этого, и умолял дать мне возможность быть рядом с Ним. С тех пор община вайшнавов перестала быть для меня просто любопытным явлением, и мне захотелось общаться с ними как можно больше.

9

Магия живых людей и светящиеся пальцы

Как только ангина отступила, я начал каждый день ходить на все возможные программы общины. Я не понимал и половины того, о чем там говорилось, но меня как магнитом тянула атмосфера. Пока кто-то готовил еду на кухне, мы смеялись, обсуждали философию и пели. Под пением у вайшнавов имеется в виду прославление Бога мантрами под музыку.

Да, разговоры не всегда были возвышенными, а люди далеко не святыми. Долгое время я считал, что меня привлекла в это движение глубокая восточная философия, и лишь годы спустя понял, что благодаря философии я остался, а присоединился

из-за людей. Поэтому я считаю, что главное достояние любой духовной традиции не книги и не храмы, а умение создавать на их основе здоровую семью единомышленников, в сердцах которых горит живой огонь.

Моя духовная практика в то время выглядела немного необычно. По утрам я читал на четках индийскую мантру, то есть короткую молитву из имен Бога, которую повторяют много раз, примерно как православные повторяют по четкам Иисусову молитву. А чтобы создать «духовную атмосферу», я расставил на столе православные иконы. А еще мне казалось, что во время повторения мантры у меня светятся пальцы, потому что мне очень хотелось увидеть какое-то чудо. Пока наш разум не окреп, нам нужны такие «костыли», но позже их, конечно, нужно отбросить и понять, что главное чудо в жизни не свечение пальцев, а способность бескорыстно любить.

Параллельно я жадно читал главные книги традиции и за четыре месяца прочитал несколько толстых томов. Правда, за описаниями кармы, реинкарнации и устройства вселенной я в упор не видел главного, то есть самой идеи преданности Богу. Меня куда больше интересовали технические детали. Эта традиция учит, что душа переходит из тела в тело, постепенно поднимаясь от простых форм жизни к сложным, и я, например, спрашивал, как же тогда хватает высших тел на всех, если высших существ так мало, а бактерий так много.

Каждый день у меня появлялось по десять-двадцать подобных вопросов. Я записывал их и по вечерам ехал мучить старших в общине, мотаясь от одного к другому с одними и теми же вопросами. Отвечали они совсем по-разному, но вместе, со всей этой разницей, их ответы помогли мне сложить картину воедино.

Кстати, в тот период я близко общался с одним парнем из общины, который на тот момент стал одним из моих главных проводников в этот мир. Позже он разочаровался в движении и стал его ярким критиком в интернете. От своего наставника он перенял не только духовные идеалы, но и скрытое высокомерие и пренебрежение к другим, и это в итоге определило его отношение к остальным верующим.

Мы, как губки, впитываем от тех, у кого учимся, не только светлые, но и темные стороны. Поэтому важно не замыкаться на одном человеке и не делать из него кумира, ведь у каждого из нас остаются несовершенства в характере и в сердце. К тому же такое доверие делает веру хрупкой, потому что держится на идеализации, а она рано или поздно заканчивается разочарованием. Когда человек сталкивается с человеческой немощью своих авторитетов, под обломками часто гибнет не только до-

верие к конкретным людям, но и само желание духовного поиска. Так что яростное разоблачение и вчерашний восторг часто растут из одного корня, из сотворения кумира. И еще одно, что я понял в те годы. Ищите веру в других верующих и цените любое ее проявление, потому что тот, кто разучился замечать ее в других, постепенно теряет и свою.

10

Ночные пиры, поломойка и случайная проповедь

До моего отъезда из России оставалось совсем немного времени (но об этом чуть позже), и я впитывал атмосферу общины как только мог. Одна из тех встреч проходила так. В одиннадцать утра мы с парой друзей выезжали на автобусе, пару часов добирались до противоположного конца города, закупали продукты, готовили, потом часа два пели, еще два слушали лекцию, час обсуждали и снова пели. Праздничный ужин начинался где-то в час ночи, а домой я возвращался к трем утра. Это были одни из самых запоминающихся встреч в моей жизни. Благодаря им утренняя практика шла на одном дыхании, а вечером я уже ехал на следующую встречу, где я, в плане знакомства с вайшнализмом будучи «старше» других новичков на целых полмесяца, уже всю проповедовал им сам.

А вот воскресные богослужения в храме были для меня большой аскезой и до сих пор ею остаются. Такой уж у меня дефект, но когда нет живого общения, а есть только ритуальное исполнение практик, мне становится скучно. Я смотрел на людей, механически выполняющих обряды, и думал: «Ну посмотрите же вы друг другу в глаза во время пения, мы же собрались

здесь ради настоящей духовной жизни». Поэтому моей любимой частью воскресной программы было время после нее, когда мы оставались узким кругом мыть полы в храме. Там, со швабрами в руках, все было гораздо живее, и Господь ощущался гораздо ближе, чем во время богослужения.

На волне неофитского энтузиазма я начал ставить над собой эксперименты. В общине устраивали утренние марафоны, когда все собирались, чтобы часов пять подряд повторять мантру. Я решил, что буду все пять часов сидеть с закрытыми глазами, не вставая с места. После этого обычная ежедневная норма (у нас принято каждый день повторять мантру определенное число раз) стала даваться очень легко. Позже доходило до того, что я иногда повторял мантру двадцать два часа почти без перерыва.

Тогда же я начал пробовать рассказывать о Боге другим и раздавать духовные книги. Первая попытка вышла совсем случайной. Я разыскал хирурга, который почти двадцать лет назад спас мне жизнь, чтобы поблагодарить его, и подарил ему пакет с конфетами, в котором, как потом оказалось, забыл свою книгу по духовной философии. Так состоялся мой первый, невольный опыт проповеди.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Канада

Главы 11–36

11

«Пусть тебе не будет счастья» и канадский капкан

Все эти события уложились в какие-то четыре месяца. А потом жизнь сделала крутой поворот. В Ватикан я к тому времени уже не хотел ехать, планируя глубже познакомиться с вайшнавами. Но мои родители больше десяти лет пытались иммигрировать в Канаду, получая отказ за отказом. И вдруг, именно тогда, когда я нашел своих людей, пришло письмо о том, что иммиграция одобрена и переехать нужно в течение пары месяцев.

Тогда я воспринимал это как удар. Бог только что дал мне людей, которых я так долго искал, и тут же их забирает. Выбор был так себе. Либо я остаюсь в Новосибирске без квартиры, денег и образования, но с перспективой загреметь в армию, зато с друзьями, которых знаю всего пару месяцев. Либо лечу в неизвестность, где родственники ждут от меня продолжения учебы, хорошей карьеры и благополучной жизни. Духу остаться у меня не хватило, и я начал паковать чемоданы. Перед отъездом община устроила мне прощальную встречу, и добрые девушки из нашего кружка напутствовали меня необычным благословением: «Пусть тебе нигде в материальном мире не будет счастья!» Это они имели в виду, чтобы я не искал его в материи, а стремился к духовной жизни.

Помню, как летел в самолете над облаками, слушал в наушниках мантры и планировал, как сразу найду вайшнавов, чтобы общаться с ними. Но у Бога на меня были другие планы.

Спонсорами нашего переезда были моя сестра и ее муж-канадец, которые несли за нас юридическую и финансовую ответственность. И когда они узнали, что я «кришнаит» (а в их представлении это означало опасного сектанта, через которого из них начнут вытягивать деньги), мне поставили ультиматум: «Либо ты завязываешь с этой сектой, либо мы депортируем тебя из страны». Конечно, сестра так обо мне заботилась. Она изо всех сил давила на меня, чтобы я никуда не «вляпался», просто заботилась по-своему.

Никакие уговоры не помогали. Мне поначалу даже отказывались оплатить билет обратно в Россию и пугали полицией, которая занимается нелегалами, потому что сестра имела право в

любой момент отозвать спонсорство, и тогда я стал бы нелегальным мигрантом. Давление было очень сильным. Я ушел в парк, открыл Бхагавад-гиту, одно из ключевых священных писаний, прочитал там слова Господа «Не бойся, Я дам тебе защиту», закрыл книгу и подумал: «А вдруг не защитит?»

Может быть, я и правда ошибся? Пусть это и не секта, но вдруг это не путь всей моей жизни? В конце концов, я знаю этих людей всего четыре месяца. А если вернусь в Россию, то куда? Только в монашеское общежитие при храме. И вдруг Бог меня не защитит и я буду где-то нищим, потерявшим веру в свой путь? Можно было бы практиковать тайно, но это казалось мне предательством. К тому же оказалось, что в Квебеке нет ни одного вайшнава. Ближайший храм находился в Монреале, за двести с лишним километров, и туда тайком не наездишься. Для меня тогда стоял выбор, либо предаться, либо предать.

И я смалодушничал. Сначала я сказал: «Хорошо, отправляйте меня обратно». Но когда мы попытались купить билет, банк отклонил все наши карты, словно что-то не пускало меня назад. Все это время меня отговаривали, и в итоге я решил остаться в Канаде и практиковать тайно. Я начал жить обычной жизнью недавнего иммигранта, то есть оформлял документы и ходил на курсы французского. Казалось бы, живи и радуйся. Квебек очень красивый туристический город, похожий на сказочную Францию, с огромным замком в центре. Страна платит даже уличным попрошайкам пособие, на которое можно неплохо жить. У родителей еще и квартира на берегу океана во Флориде. Но меня это совсем не привлекало, а внутри росла давящая тоска.

Верить, что Бог есть, и доверять Богу это разные вещи. Первое ничего не стоит, пока не наступает минута, когда доверие может стоить тебе билета, статуса или страховки. Мы узнаем, чего стоит наша вера, ровно тогда, когда за нее нужно платить. И еще одно, про отклоненные карты. Я уверен, что Бог направляет нас обстоятельствами, но обстоятельства никогда не отменяют нашего выбора. Они оставили меня в Канаде, а как в ней остаться, решал уже я. Знак свыше не заменяет мужества, он лишь показывает, где оно понадобится.

И вот как-то раз я смотрел художественный фильм о солдатах, отдававших жизнь за идею, и корил себя: «Они умирали ради каких-то простых земных вещей, а ты ради Бога не готов пойти на малейший социальный риск?» Я читал книги о духовном мужестве и думал о том, как на моем месте поступил бы Иисус Христос или Его ученики.

12

Скользкие водоросли и капиталистическая скорая помощь

Шел второй месяц моей канадской тоски (да, сейчас это смешно, но тогда это казалось вечностью). Мы с родственниками поехали к океану смотреть на китов. Я отошел от толпы туристов и пошел вдоль залива, размышляя о том, какой удивительный мир создал Господь. Дорога была плоской и казалась безопасной, обычные камни, пусть и в нескольких метрах от обрыва.

И вот я сделал очередной шаг и... поскользнулся на незаметных водорослях, из-за которых камень был скользким, как мыло. Я проскользил все пять метров и слетел со скалы, ударившись о нее головой. Внизу была холодная вода залива, настолько глубокая, что киты плавали у самого берега, а плавать я не умел, и никто не видел, куда я уходил. Но каким-то чудом я упал на единственный в том месте небольшой уступ.

Выбрался я по расщелине наверх весь в грязи и с залитым кровью лицом (выглядело это страшнее, чем было на самом деле). Туристы ахнули и тут же вызвали скорую.

Дальше все было как в голливудских фильмах. В Канаде на такие вызовы первыми приезжают пожарные. С трассы на полном ходу с мигалками влетает машина, из нее на ходу выпрыгивают ребята в полном обмундировании, меня тут же кладут на носилки, надевают корсет на шею, светят фонариком в глаза, обрабатывают рану. В общем, полный комплект заботы.

Затем меня на руках несут к машине скорой помощи, начинают расспрашивать... и тут выясняется, что моя медицинская страховка еще не успела оформиться. Врачи переглядываются.

Одна транспортировка до больницы стоит тысячу долларов, МРТ еще пятьсот, прием врача столько же, а платить мне нечем.

— А, ну раз так... — говорят они. С меня тут же снимают корсет, сгружают с носилок и выпускают из машины обратно на обочину. Мол, «ты больше не наша проблема».

У меня было только рассечение и, видимо, легкое сотрясение, ничего серьезного. Но, стоя там, на обочине, с разбитой головой, я очень ясно почувствовал, что можно идти по ровной безопасной дороге в паре десятков метров от сотен людей и погибнуть. Можно приехать в одну из самых социально заботливых стран мира, и тебя высадят из скорой на асфальт, если у тебя нет нужной бумажки. Вся эта земная стабильность оказалась иллюзией, похожей на ту самую заботу скорой помощи без страховки, которая выглядит эффектно, а на деле ничем не помогает. Если Бог решит, ты будешь жить, а если время пришло, тебя никто не спасет. Так что по-настоящему нас страшит Господь, а не внешние обстоятельства.

Поэтому, когда мы вернулись домой и лицо немного зажило, я собрал вещи и сказал: «Я уезжаю жить в храм в Монреаль. Делайте что хотите, звоните в полицию, мне уже без разницы». В полицию сестра не обратилась, но отношения с ней надолго испортились, и больше десяти лет мы вообще не общались, хотя сейчас понемногу поддерживаем связь. Родители, кстати, меня поддерживали и даже помогли добраться до Монреаля.

Сразу оговорюсь, что я никого не призываю вот так все бросать ради Бога. Доверяться Ему нужно по своей готовности. Если мы не готовы к испытаниям и лишь изображаем доверие, которого у нас нет, Он может позволить нам пройти через них, чтобы мы увидели свой настоящий уровень.

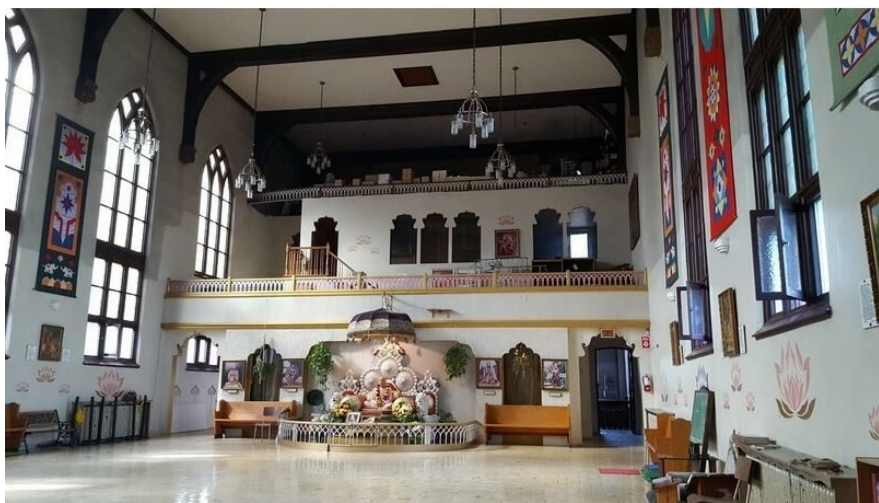
13

Католическая церковь, ледяной алтарь и сбежавший гость

Итак, вырвавшись из канадского тупика, я добрался до монреальского храма. На его ступеньках сидел монах и негромко читал мантру. Я совершенно его не знал, но, Господи, как же я был рад его видеть после всего, что произошло. Все в вайшнавских одеждах казались мне тогда самыми родными людьми. Меня накормили и провели по всему храму.

Храм располагался в здании бывшей католической церкви, которую община купила в ипотеку. Выплачивали ее всей общиной около тридцати лет, и бывали зимы, когда храм почти не отапливали, и служителям у алтаря приходилось служить чуть ли не на морозе.

По воскресеньям в огромном зале собиралось больше сотни человек. Правда, коренных канадцев среди них почти не было. В основном это были серьезные, глубоко верующие индийские эмигранты да несколько местных ветеранов движения.

Сама вайшнавская традиция очень древняя, но долгое время ее знания почти не выходили за пределы Индии. На Западе о ней узнали только в 1960-е годы, когда один пожилой индийский монах пересек океан, чтобы поделиться этими знаниями. Он и основал наше движение за пределами Индии, а его первые ученики стали первыми вайшнавами на Западе.

Привлечь местных было очень сложно, и главная причина заключалась в том, что в Монреале не было никаких промежуточных ступеней для новичков. Вся жизнь шла только в храме, а храм с индийской культурой для неподготовленного западного человека оказывается прежде всего культурным шоком. Помню, как я привел на воскресную программу парня с улицы. Мы отлично общались, пока он не переступил порог алтарного зала в самый разгар службы. Увидев танцы, услышав громкие барабаны и звон тарелочек, вдохнув густой запах благовоний,

он в прямом смысле вжался в пол, как испуганная кошка в грозу. Пару секунд он стоял с широко открытыми глазами на полусогнутых ногах, а потом... дал деру, и я даже не смог его догнать. Позже он признался, что от обилия чуждых звуков, цветов и запахов ему вдруг очень захотелось сбежать. Тогда я понял, что культурная сторона той или иной религиозной традиции легко может отвлечь человека от сути, которую та может ему дать. Поэтому нам нужно учиться отделять суть от внешней оболочки и давать людям знание в той форме, которую они способны воспринять. Более того, люди никогда не смогут объединиться на уровне религий, потому что сами религии со встроенной в них культурой разделяют людей. А вот объединиться вокруг идеи служения Богу, которая есть в разных традициях, возможно.

Поэтому вскоре я начал делать для новичков отдельную воскресную программу. Всем, кто брал у меня книги на улице, я

давал приглашение, и по воскресеньям обычно приходило от двух до пяти новых людей. Я встречал их у входа, знакомил с кем-нибудь из общины, и их отводили в отдельное помещение, где можно было спокойно поговорить и задать вопросы, прежде чем окунаться в шумную службу.

14

Ветераны и мое раздутое эго

Зато у монреальского храма был один большой плюс, который перекрывал все недостатки, то есть доступное общение со старшими. Человек, практикующий пятнадцать лет, считался там начинающим, потому что вокруг было много людей с тридцатилетним и сорокалетним стажем духовной практики. Причем никакого строгого этикета и иерархии не было, мы просто завтракали вместе и разговаривали друг с другом по-семейному.

Один из самых старших членов общины, пожилой Гокулананда, жил прямо в храме, и к нему всегда можно было зайти. Не удивляйтесь таким именам. При посвящении в ученики вайшнавны получают духовное имя на санскрите, поэтому у многих канадцев, да и у русских в этой книге такие непривычные имена. Я, нисколько не смущаясь, частенько заходил в его комнату, чтобы в тишине почитать книгу, потому что в моей комнате обычно было больше суеты. Если он в этот момент возвращался к себе и видел меня, то не выгонял наглого юнца, а... тихонько уходил обратно в коридор и находил себе занятие, чтобы мне не мешать. А я в своем детском эгоизме даже не понимал, что лишаю пожилого человека его же комнаты.

Более того, он время от времени просил у меня разрешения... побыть моим водителем, когда я шел раздавать духовную литературу на улицах города. Тело уже не позволяло ему самому стоять на улице, но он так горел этой миссией, что хотел хоть как-то помочь. И вот он садился за руль, чтобы возить меня, парня, который еще пару месяцев назад вел совершенно обычную жизнь. По своей глупости я воспринимал это как признание моей значимости. Лишь позже до меня дошло, что это было проявлением не моего величия, а его смирения.

То же самое произошло при встрече с одним из приезжих ветеранов, который занимал в движении серьезное положение. Когда мы увиделись во второй раз, этот убеленный сединами наставник первым почтительно до пола поклонился мне, трехмесячному монаху-новичку. Помню, как растерялось мое самолюбие, не зная, гордиться ему или стесняться, что я не поклонился первым. А для него это было естественно, потому что он уважал каждого, кто пытается делать что-то светлое, независимо от чинов и стажа.

А еще я смотрел, как этот человек общается с прохожими на улице. Если человек отказывался брать книгу, он пытался его чем-нибудь угостить, сказать что-то приятное или просто пошутить. Его задачей было сделать так, чтобы даже после отказа прохожий пошел дальше с мыслью «а это был хороший человек». Так он оставлял у людей теплое впечатление о Боге и о тех, кто Ему служит, чтобы позже это уважение могло прорасти во что-то большее.

Мы часто думаем, что знание состоит в сумме сведений о разных предметах. Но на самом деле знание проявляется в качествах. По-настоящему образованный человек прежде всего будет обладать такими качествами, как уважение, доброта, терпение и другие.

15

Десять минут, которые я не запомнил

Он приезжал к нам ненадолго, чтобы наладить в городе пространство книг, и я старался провести с ним побольше времени, чтобы перенять его дух. Перед его отъездом я подошел к нему и попросил дать мне какое-нибудь наставление, чтобы я мог размышлять над ним каждый день.

Я ждал красивой короткой фразы. Вместо этого он усадил меня за столик и выдал пулеметную очередь из доброй сотни жизненных установок. Без пауз и без объяснений, в очень быстром темпе он перечислял ошибки, которые я могу совершить, ловушки, в которые могу угодить, и ценности, которыми стоит руководствоваться при сложном выборе. Это длилось минут десять, после чего он выдохнул: «Фух, ну вроде все».

Честно скажу, я не запомнил из того потока вообще ничего. Но я очень надеюсь, что дело тут не в уме, а в сердце и что эти слова где-то в нем записались.

Это была его последняя поездка в Монреаль, и больше мы с ним близко никогда не общались. Размышляя потом над этим неожиданным порывом передать мне все и сразу, я понял, что он отдал мне все, что успел, на случай, если мы больше не увидимся.

Когда ты понимаешь, что, возможно, видишь человека в последний раз в жизни, слетает шелуха этикета, пропадает желание казаться лучше, чем ты есть, и все второстепенное тоже меркнет. Остается только желание взять из этого общения, из каждой секунды как можно больше ценного, пробиться сквозь скорлупу формальностей, отчужденности и самолюбия, чтобы поговорить о том, что действительно важно. И это хорошее

правило для повседневной жизни, даже если мы никуда не уезжаем. Ведь кто знает, как сложится судьба завтра и увидим ли мы снова того, с кем, как нам кажется, расстанемся ненадолго.

16

Галерея неизвестных праведников

Было бы несправедливо не рассказать и о других людях, с которыми меня свела судьба в Монреале. Всю жизнь мы ищем великих учителей, а они часто прячутся за самыми неприметными фасадами.

Был там один пожилой вайшнав, чья история в движении была пунктирной. Год практики, три года перерыва на наркотики, десять лет в храме, снова десять лет в миру. Но последние двадцать лет он до самой смерти каждый вечер без исключения приходил в храм и по пять-шесть часов мыл огромные котлы, которые даже мне было тяжело поднимать. А в перерыве шел в алтарный зал давать вечернюю лекцию. В это время людей в храме почти не было, и часто зал был пуст, но тогда он просто читал вслух Бхагавад-гиту перед алтарем, для Бога. Если приходили новички, он разговаривал с ними, а если заходил кто-то опытнее, скромно предлагал: «Я не квалифицирован, давай лучше ты расскажешь, а я послушаю». Но это не было попыткой уйти от ответственности, потому что, когда ему было что добавить, он говорил очень глубокие вещи.

Был другой ветеран, которого когда-то после инсульта парализовало на половину тела. Тогда же от него ушла жена, и он остался один, брошенный самым близким человеком, с половиной неработающим телом. Когда-то он был одним из луч-

ших проповедников в тех краях, а теперь еле ходил и с трудом говорил. Меня бы такая судьба сломала, ведь ты служишь Богу, а у тебя вдруг не остается ни служения, ни семьи, ни здоровья. Поначалу я смотрел на него с жалостью. Но чем больше мы общались, тем яснее я понимал, что это ему впору жалеть меня. Он все время говорил о Боге, всегда светился радостью и, вы не поверите, был главным заводилой танцев на всех праздниках, танцую своей наполовину парализованной стороной.

Он открыл мне то, чего я в молодости, с двумя здоровыми ногами, понять не мог. Мы незаметно начинаем думать, что Бог любит нас за пользу, которую мы Ему приносим, за проповедь, за служение, за добрые дела. И тогда, если проповедь, служение и здоровье отнимают, кажется, что и любовь Бога кончилась. А у этого человека отняли все, и любовь осталась, потому что она с самого начала держалась не на его пользе. Богу не нужны наши достижения. Ему нужны мы сами, и это единственное, что у нас нельзя отобрать.

Была и семья, которую когда-то давно отправили открывать храм в чужом городе в Индии. Они приехали туда с грудным младенцем, ожидая увидеть хотя бы старенький дом. Но на купленном участке не было ничего, кроме одной кирпичной стены высотой метра в два. Приехали они без денег и без вещей и следующие несколько месяцев жили буквально у этой стены. Если ветер и дождь били с одной стороны, они прятались с другой. И при этом ходили проповедовать. В итоге местные жители своими руками и на свои деньги построили им дом, а потом и храм.

Уверен, в той общине было и много женщин, о которых стоило бы рассказать, но монашеский этикет почти не позволял нам общаться, так что о них, даже о самых старших, я почти ни-

чего не знаю. Они жили словно в другом измерении храмовой жизни.

17

Монтировка, морфин и мерки святости

Настоятелем нашего монреальского храма был человек по имени Анубхава. Интересной его чертой был постоянный неформальный диалог с Богом, не напоказ и не сентиментально, а как-то между делом. Однажды во время ремонта ему на палец с высоты около метра упала железная монтировка, и палец тут же почернел. Я точно знаю, какие слова вырвались бы у меня (и их лучше не печатать здесь), но Анубхава через секунду рассмеялся сквозь боль и сказал: «Ай, Господи, ну Ты и шутник!»

В то время я оценивал людей по внешним критериям, то есть по тому, как красиво человек дает лекции и насколько точно помнит тексты писаний. Анубхава хорошо знал суть писаний, но в эти мои рамки не всегда вписывался. Мне понадобились годы, чтобы понять, что настоящее мерило не цитирование книг, а искреннее желание служить Богу как Личности и видеть Его волю в повседневной жизни, даже в упавшей монтировке.

И еще одно я тогда заметил, хотя понял позже. С Богом можно шутить. Многим верующим Бог представляется таким строгим и далеким, что с Ним можно только просить или каяться. А Анубхава говорил с Ним как с Тем, Кто рядом. Мне кажется, так и выглядит зрелая вера. Не страх перед начальником, а доверие к Тому, Кто тебя любит и Кому можно сказать «ну Ты и шутник», не переставая при этом Его почитать.

Там было много кого еще... Был старик с глубокой деменцией, забывший даже собственное имя, но со всеми здоровавшийся словами «Слава Господу». Был мужчина, которого несколько лет назад сбила машина. Простите за натурализм, но его кишечник в буквальном смысле соскребали с асфальта лопатками, и врачи собирали его по частям. Чтобы просто жить без дикой боли, он с тех пор принимал сильные обезболивающие, вплоть до морфина. И что он делал? Несмотря на боль, он приходил в храм и делал там ремонт, что совсем не легкое занятие. А я, молодой и здоровый, проходил мимо с важным видом, ведь я иду на улицу проповедовать, делаю Великое Дело, а он тут «просто доски пилит».

Сейчас я немного кусаю локти, что не особо-то ценил возможность просто находиться рядом с ними. Я смотрел на них через узкую амбразуру своих представлений о «правильной» духовности и не понимал главного. Можно просто сделать Бога центром своей повседневной жизни, и этого будет достаточно.

18

Крокодилёчик на лекции

Особенно ярко моя неопитская гордыня протестовала против нашего регионального руководителя. Будучи весь из себя «правильным», я не мог принять его методы. Утреннюю мантру он повторял не в тихом алтарном зале, а звал нас на прогулки по городу. Лекции он читал в очень необычном стиле. Посреди фразы он вдруг замолкал и начинал жестами показывать слово, заставляя зал играть в «крокодилёчика».

Время от времени он отправлялся в пешее путешествие через всю Канаду, и мы иногда сопровождали его часть пути. Как-то раз в дороге одна добрая женщина подарила ему банку маринованных помидоров с луком и чесноком, которые монахам нашей традиции есть не полагалось, потому что считается, что они возбуждают ум. Он принес банку нам и велел добавить в еду, чтобы женщина, сделавшая подарок, получила духовное благо от того, что мы его приняли. Я тогда отказался это есть и предпочел остаться голодным.

Долго перечислять, да и сложно передать в тексте все эти нюансы. В общем, он совсем не вписывался в мой шаблон духовности. И опять мне понадобилось немало времени, чтобы увидеть, что его путешествия через Канаду не были просто прогулками. В дороге он все время повторял мантру, полагался на Бога в том, как пройдет путь, и к тому же это была очень удачная проповедь. Для маленьких городков одинокий монах, идущий через всю страну, был главным событием, и местные газеты печатали с ним интервью на первых полосах. Так он рассказывал о Боге фермерам, до которых мы бы никогда не добрались.

А его игры в «крокодильчика» на лекциях? Большинство людей не могут долго слушать сухую философию, уже минут через пятнадцать ум начинает убегать. А через игру он возвращал их внимание и помогал запомнить суть. А лук и чеснок? Для него любовь к живому человеку и благодарность за искренний порыв были выше формальных правил питания.

Это типичная болезнь многих начинающих. Прочитав пару умных книг и годик-другой посидев на строгой диете, мы начинаем думать, что лучше знаем, «как надо», чем люди, отдавшие этому пути всю жизнь.

Святой с тележкой из супермаркета

В Нью-Йорке мне посчастливилось соприкоснуться еще с одним удивительным человеком, которого звали Рама Рай.

Долгие годы он жил во Вриндаване, одном из святых мест Индии. После смерти своего близкого друга и наставника, Аиндры, он решил последовать его словам: «В этом мире есть смысл только в том, чтобы либо жить в святом месте, либо нести святость туда, где ее нет». Рама Рай выбрал второе и приехал в Нью-Йорк, чтобы петь мантры на улицах.

Будучи человеком очень отрешенным, выглядел он, мягко говоря, неэстетично. Монашеская одежда в неотстирываемых пятнах, задравшаяся до колен, из-под нее торчали рваные подштанники, а сверху была старая заношенная куртка. Все, что нужно для пения на улице, он возил в метро в скрипучей тележке из супермаркета (в США с такими обычно ходят бездомные).

Каждый день он собирал вайшнавов четыре-пять часов петь мантры в нью-йоркском метро. Он расстилал прямо на бетонном полу большой кусок ткани, и все садились на него. В метро стоял жуткий гул, голос тонул в грохоте поездов и топоте людей, а микрофоны использовать запрещалось. Поэтому, чтобы тебя просто услышали, нужно было не петь, а буквально орать во весь голос.

По всем законам логики и маркетинга это должно было отпугивать людей. Старик не от мира сего в грязной одежде кричит что-то непонятное в гудящем переходе метро. Но в этом отчаянном пении чувствовалась какая-то очень глубокая ис-

кренность, и люди часто останавливались послушать, а иногда даже садились рядом на бетон.

Думаю, вы заметили, что я много говорю о проповеди. Дело в том, что для вайшнавов, как и для многих других верующих, делиться духовным знанием считается одним из главных видов служения Богу, а монахи и другие активные вайшnavы стараются заниматься этим постоянно. И смысл не в том, чтобы обратить людей в свою религию, а в том, чтобы вернуть духовные истины туда, где о них забыли, и помочь увидеть ценность духовной практики тем, кто иначе бы ее не заметил.

20

Тошнота от фальши

Пару дней я ходил петь вместе с ним. И вот однажды, вернувшись с улицы в храм, я физически ощутил разницу между на-

стоящим и... поддельным зовом к Богу.

Я зашел в алтарный зал, где все было очень красиво, с открытым алтарем, благовониями и мягким светом. Молодой парень пел на очень приятную, сладкую мелодию. Люди вокруг сидели радостные, особенно женщины, у которых эмоции обычно больше видны на лице, и певец явно немного поддался желанию выделиться перед ними, выдавая особенно яркие интонации.

Я уверен, что все там были по-своему искренни. И в любой другой день я бы назвал это пение хорошим. Да и вообще любая попытка обратиться к Богу прекрасна, ведь молитва со временем очистит и самолюбие, и гордыню, лишь бы мы не бросали практику. Но в тот момент, на контрасте с пением в грязном метро и рванными подштанниками Рама Рая, я вдруг почувствовал физическую тошноту. Я увидел, как люди поют не для Бога, а просто ради собственного удовольствия. Я не смог там находиться и вышел.

Подлинность духовного действия определяется прежде всего тем, ради чего оно совершается, и искренним стремлением воплотить духовные ценности на практике. Внешняя форма может вырастать из такого стремления, а может стать укрытием для тонкого эгоизма, когда человек незаметно для себя начинает служить не Богу, а себе, часто под видом служения Богу.

21

Живая любовь вместо бронзового памятника

Главное, чему я научился у этих ветеранов, было их отношение к своему духовному учителю, основателю движения, который во времена их молодости приехал из Индии, чтобы поделиться знаниями с миром.

Для них он оставался живым, близким человеком, хотя давно ушел из этого мира. В день его памяти они просто приходили в храм и плакали. Я никогда не забуду, как один из них сквозь слезы сказал: «Он был единственным человеком в мире, который меня по-настоящему любил». Человек, успешный бизнесмен, которому за шестьдесят, у которого есть любящая жена, дети и внуки, спустя сорок лет плачет об учителе, с которым за всю жизнь говорил, может быть, полминуты. Но этой полминуты хватило, чтобы почувствовать безусловную любовь, которой он больше не встречал нигде. Настоящий духовный наставник похож на прозрачное окно, через которое человек впервые видит отблеск такой любви, идущей от Господа. И даже короткая встреча с тем, в ком нет эгоизма, оставляет след на всю жизнь.

Это настраивание живой преданности очень ценно, потому что без него мы превращаемся в сухих философов. Правда, такая преданность требует и дисциплины. Мы не ставим человека на место Бога, а видим в нем проводника, который лишь передает нам то, что говорят священные писания, и сам по ним живет. Помню, как однажды на лекции я процитировал мысль своего будущего духовного учителя. Меня спросили, где это сказано, и потребовали подтвердить эту мысль прямыми цитатами из писаний. Когда я не смог, настоятель храма публично меня отчи-

тал и на время запретил давать лекции. Установка была такой, что если ты не можешь подтвердить мысль словами писаний, то не выноси ее на публику, потому что ты должен передавать учение в чистоте.

Я рассказал о разных людях из той общины, показывая их светлые стороны. Но важно не создать иллюзорной картинки. Человеческие слабости всегда идут рука об руку с верой. Например, один из самых старших любил поговорить о политике, а настоятель иногда сердился на подопечных вполне земным гневом. Но нам нужно учиться видеть золото в руде, то есть учитывать человеческий фактор, но не придавать ему решающего значения. Зрелость нашей веры проверяется способностью принимать несовершенство людей, не разочаровываясь в самом идеале. Слабости, раздражение и странности всегда будут соседствовать со служением, а тот, кто требует от верующих стерильной святости, приходит к цинизму. На самом деле рядом с нами, в наших собственных городах, живут десятки «неизвестных святых», людей, которые годами тихо и незаметно служат Богу. И если мы их не замечаем, дело не в их духовном уровне, а в нашем зрении.

22

Армейские шкафчики, клопы и перезагрузка жизни

Когда я стал послушником, при храме жило чуть больше десяти человек. Двое были служителями-индийцами, не говорившими по-английски. Двое были студентами, которые следовали храмовому распорядку, но уходили на учебу рано утром и возвра-

щались поздно вечером. Несколько монахинь жили через дорогу, в квартире, которую снимал для них храм, но правила строго запрещали нам пересекаться, так что мы обменивались парой фраз раз в пару недель и только по делу.

Так что монахов, с которыми можно было как-то общаться, было всего трое-четверо. Зато у нас было много других соседей, клопов, которых занесли со старыми пожертвованными вещами. Настоятель тогда справедливо возмущался: «Мы должны отдавать Богу самое лучшее, а отдаем старый хлам, который нам самим уже не нужен, и только создаем этим проблемы».

Старшим среди монахов был Дамодар Гопал, сын того самого Гокулананды, и для меня он был образцом для подражания. В то время он полностью отдавал себя делам храма и проповеди. Вплоть до того, что однажды он умудрился на пару секунд заснуть, пока сам же вел пение с танцами (попробуйте уснуть не просто стоя, а танцуя).

Жили мы в небольшой комнате совсем без мебели, без кроватей, тумбочек и столов. Пустая комната с маленьким окошком под потолком и гвоздиками в стене для мешочков с четками. Спали прямо на полу в спальных мешках, шесть часов ночью и, если совсем не было сил, час днем.

В коридоре стояли старые металлические армейские шкафчики, и в один такой шкафчик должны были уместиться все твои личные вещи. В храмовом офисе стоял старенький компьютер, к которому можно было подойти раз в неделю, чтобы отправить короткое письмо родным. В остальном связи с внешним миром вне проповеди не было, как и интернета, и личных телефонов.

В этой аскетичной жизни не было культа лишений ради лишений. Просто из жизни убиралось все лишнее, чтобы можно

было сосредоточиться на главном.

На третий день меня обрили наголо, и я окончательно почувствовал себя призывником, попавшим в армию. Это было необычно. Другая страна, чужой язык, незнакомый менталитет, совершенно новый быт, и у меня не осталось ни одной ниточки, связывающей меня с прошлой жизнью, ни с кем из старых друзей или родных. Было ощущение, что я начал совсем новую жизнь, будто переродился в другом теле.

23

Хронометраж и потерянные минуты

Распорядок дня у меня был достаточно суровым. Я просыпался в два часа ночи, обливался холодной водой и шел повторять мантру. В половине пятого начиналась утренняя служба, и в перерывах я помогал на алтаре, раскладывал подношения и мыл посуду, слушая в наушниках лекцию. Затем завтрак, час чтения, сборы и выход на улицу, где я по пять-шесть часов раздавал прохожим книги. Возвращался вечером, ужинал и участвовал в вечерней службе. В восемь вечера день заканчивался.

Стоит сказать пару слов о смысле этих практик. Ранний подъем позволял сосредоточиться на молитве и медитации, потому что днем они получаются не такими глубокими. Мы повторяли мантру, состоящую из обращений к Богу. Это не молитва в привычном смысле, ведь молитва обычно подразумевает просьбу, а здесь смысл был скорее в прославлении. С самого утра мы настраивались на то, что Господь присутствует в нашей жизни. Затем шло богослужение. Его смысл в том, что любовь по своей природе деятельна. Мы не просто говорим,

что верим в Бога или стараемся Его полюбить, мы стараемся что-то для Него сделать. Но что можно сделать для Того, Кто всемогущ, и что можно дать Создателю Вселенной? Богослужение позволяет выразить готовность служить Господу, пусть Он в этом и не нуждается, и так развивать с Ним отношения. Затем была лекция по священным писаниям. Без понимания и регулярного напоминания себе духовных истин все остальное постепенно выхолащивается, и тогда форма остается, а понимание того, что ты делаешь и зачем, затуманивается.

В те дни у меня появилась одна привычка, которую я до сих пор пытаюсь вернуть, но не хватает решимости. Я распечатал таблицу, где день был разбит на пятнадцатиминутные отрезки, и каждую четверть часа записывал, чем именно занимался.

Сначала я просто наблюдал за собой. Но вскоре появился азарт, и мне захотелось беречь каждую минуту. Я начал отмерять время на все. Например, чтобы подняться в столовую, взять еду, поесть, вымыть тарелку и спуститься обратно, я отводил себе ровно десять минут. Если я задерживался на минуту, чтобы просто посидеть и отдохнуть, то записывал в таблицу, что потерял минуту дня. В итоге я довел свой день до того, что терял не больше трех минут в сутки. Меньше не получалось, все-таки хотелось немного полениться.

Наши вещи нам не принадлежат, и даже тело нам не принадлежит. Скорее, мы лишь временные арендаторы, ведь однажды все это придется оставить. По-настоящему нам принадлежит только то, как мы распоряжаемся отведенным нам временем.

Правда, у этой системы была и обратная сторона. В погоне за эффективностью я почти перестал уделять время неформальному общению. Мне казалось, что разговоры отнимают время, за которое можно было бы сделать столько полезного. И это было большой ошибкой, особенно в то время, потому что

именно теплое неформальное общение часто и есть самое важное, что мы можем сделать.

24

Невидимая связь с духовным учителем

Во время утреннего служения при алтаре и долгих поездок до центра города я слушал лекции, по две-три записи в день. За год я прослушал почти весь доступный архив лекций одного и того же человека. Это был тот самый лектор, чье непроизносимое имя когда-то стояло первым в алфавитном списке на торрент-трекере, и кто довел меня тогда до слез раскаяния.

Этим человеком был мой будущий духовный учитель. В нашей традиции так называют наставника, который принимает у ученика обеты и ведет его дальше, примерно как духовник у православных. Тогда мы не были знакомы, и он даже не подозревал о моем существовании. Я никогда не был лично близок к нему. Позже я несколько лет служил под его непосредственным руководством, иногда жил с ним в соседних комнатах, мог пройти с ним вдвоем или несколько часов обсуждать в группе из трех человек, как выстроить какой-то курс.

Но никогда я не чувствовал с ним большей связи, чем в тот канадский год, когда мы еще не были знакомы. Настоящая связь с учителем возникает не тогда, когда пьешь с ним чай, а когда слушаешь его наставления и стараешься воплотить их в своей жизни. Сердце учителя раскрывается в его наставлениях, и если ты им следуешь, ты рядом с ним, даже если вас разделяют океаны, годы или столетия.

25

Благословение аскезой

Знаете, я понимаю, что рассказ о пустой комнате, подъеме в два часа ночи, бритье наголо и армейских шкафчиках может показаться пугающим. Но если бы меня сейчас читал молодой неженатый парень, я бы сказал ему, что если у него есть возможность хотя бы на год уйти в монастырь или пожить при монастыре (в любой традиции такая возможность найдется), нужно хвататься за этот шанс обеими руками.

То же касается и семейных мужчин, но с оговоркой. Если позволяют обстоятельства и жена поддерживает, месяц или два такого опыта могут изменить жизнь. Только нужно ясно понимать, что ты идешь туда не для того, чтобы стать отшельником и, вернувшись, заявить: «Все, работать больше не буду, буду дома мантру повторять». Ты идешь туда, чтобы закалить характер, научиться дисциплине, избавиться от лишнего эгоизма и вернуться домой надежной опорой для своей семьи (а не религиозным тираном).

Даже помимо духовной пользы, храмовая жизнь закаляет характер, и это потом пригодится и в семье, и на работе, и в духовной практике, и во многом другом.

26

Рай для сладкоежек

Но была в нашем суровом быту и отдушина. Кормили нас так, чтобы монашеский ум не взбунтовался от отсутствия других

радостей. Готовили пять раз в день, и первые месяцы моим любимым моментом был завтрак, которого я начинал ждать сразу, как только заканчивался предыдущий.

На завтрак были халва, сладкий рис, молочные сладости, фруктовый салат, овсянка с сухофруктами, выпечка, и все это почти в неограниченном количестве. Я просто брал тарелку халвы, поливал ее сладким рисом и съедал. Обед был не менее обильным, с рисом, тремя видами тушеных овощей, домашним сыром и жареными закусками. Потом шли полдничные сладости и не менее богатый ужин, на который меня уже не хватало.

Если в Новосибирске я остался в общине благодаря людям и атмосфере, то в Монреале, признаюсь честно, первые месяцы я продержался только благодаря еде. Кстати, именно тогда я первый и единственный раз в жизни видел, как человек упал в обморок от переедания (это был один из новоиспеченных послушников на праздничном пиру).

Бог держит нас за то, за что нас можно удержать. В начале пути это может быть халва, добрые люди, красивое пение или просто нежелание вернуться домой побежденным. Он не брезгует нашими маленькими мотивами, а терпеливо ждет, пока вырастут большие. Так что если вас на духовном пути держит что-то совсем не возвышенное, не корите себя. Важно не то, ради чего вы пришли, а то, куда вас это в итоге приведет.

27

Фокус с «флаером» и сбежавший ум

В Монреале я прожил чуть больше года, и если описывать этот год одним словом, то это было бы слово «книги», то есть их

раздача людям на улице. Я выходил на улицу каждый день, включая воскресенье.

Стоя в монашеской одежде на главной улице города или обходя дома, встречаешь самых разных людей, независимо от пола, возраста и положения. И каждому можно дать шанс, даже если он с головой погружен в повседневные дела, остановиться на пару минут, поговорить с человеком, который живет духовной практикой, и, если заинтересуется, взять книгу, чтобы прочитать ее дома.

Книги мы не продавали, но и не раздавали просто так, потому что бесплатные книги люди обычно не ценят. Поэтому книги давали за пожертвование любого размера. Человеку нужно было сделать хотя бы небольшое усилие, чтобы показать свой интерес и готовность получить знание.

В Монреале все говорят по-французски, а я знал на нем две с половиной фразы. Английским я владел, но поначалу не настолько хорошо, чтобы вести философские дебаты на оживленном перекрестке. Пришлось брать смекалкой. Я ходил только в монашеской одежде, а первое время даже босиком, пока старшие не запретили мне пугать прохожих.

Мой главный прием был простым. Я показывал прохожим маленькую книжку под названием «Совершенство йоги». Они думали, что это рекламный флаер занятий йогой, останавливались, чтобы его взять, а уходили уже с книгами по философии. За день уходило около ста книг, правда, толстых из них было лишь около десятка, остальные тонкие.

Самым тяжелым было то, что я выходил на улицу один. Никто из монахов больше не раздавал книги каждый день, да и меня никто не заставлял, так что я вполне мог бы сидеть в теплом храме и протирать пыль. Поэтому каждый день мне приходилось перебарывать себя, чтобы просто выйти за дверь. Ино-

гда до слез не хотелось никуда идти. Но стоило пересилить себя и заговорить с первым встречным, как все беспокойство уходило и приходила радость.

Позже один проповедник, который почти пятнадцать лет в одиночку раздавал книги, поделился со мной своим забавным секретом, как он годами обманывал свой ум.

Когда ум начинал ныть, он говорил уму: — Мы не пойдем раздавать книги. Мы просто пойдем погулять.

Начиная собирать стопку книг, он успокаивал ум: — Я просто положу их в рюкзак. Никто же не заставляет нас их доставать.

Приехав на место своей проповеди, он убеждал себя: — Мы здесь просто гуляем, тут тепло и нет дождя.

И в самом конце, стоя в толпе и поднимая руку, чтобы остановить прохожего, он говорил своему паникующему уму: — Не бойся, я просто спрошу, который час!

А после первой же фразы разговора ум сдавался.

Мы часто путаем себя со своим умом, хотя многие мысли, страхи и желания нам навязывает именно он. Но мы не ум, а душа, и душа может обратиться к Богу поверх всего этого шума, а потом, уже с Его помощью, понемногу направлять мысли туда, куда нужно. А в той шутиливой уловке скрыт важный принцип. Лобовая война с собственным умом часто обречена на поражение, потому что ум тревожен и держится за привычный комфорт, и если потребовать от него сразу подвига, он включит глухую оборону, от паники до лени. Поэтому духовная дисциплина часто требует не агрессии к себе, а терпеливой и немного ироничной дипломатии. Ум не враг, которого нужно уничтожить, а скорее пугливое и капризное существо, которое нужно терпеливо перехитрить.

► ВИДЕО

На санкиртане, Монреаль

<https://teologmak.ru/bio#v1>

28

Совершенство йоги на костылях

Энтузиазм старших и более опытных проповедников так меня зарядил, что я решил не сдаваться ни при каких обстоятельствах. И однажды это сыграло со мной злую шутку.

Как-то раз, когда мы танцевали на храмовом празднике (у вайшнавов на службах и поют, и танцуют), я неудачно приземлился на ногу. Ступня начала болеть, и с каждым днем все сильнее, так что по утрам я уже не мог сразу на нее встать. Но я был молод, упрям и не хотел тратить «драгоценное время служения» на поход к врачу.

В очередное утро я закинул рюкзак на плечо и пошел на свое место раздавать книги. Примерно в километре от храма я сделал очередной шаг и услышал хруст, это сломалась одна из костей в ступне.

Кое-как я доковылял до храма, меня отвезли в больницу, наложили гипс и выдали костыли. Угадайте, где я был на следующий день? На том же перекрестке, что и обычно.

Представьте картину. Центр большого города, толпа людей, а посреди нее стоит парень в монашеской одежде, на костылях, с огромным гипсом на ноге и протягивает всем книжку с крупной надписью «Совершенство йоги». Прохожие с ухмылкой говорили: «Ничего себе у вас йога». Но, на удивление, на количе-

ство раздаваемых книг это не повлияло. Правда, из-за моего упрямства нога срасталась почти полгода вместо положенных пары месяцев, но я не пропустил ни дня проповеди.

Я рассказываю это не для того, чтобы похвастаться, потому что сейчас, спустя годы, я бы ни за что не пошел на улицу со сломанной ногой. Я рассказываю это, чтобы показать одну мысль. Мы часто думаем, какие мы сильные и какая у нас вера. Но на самом деле в начале пути своей веры у нас еще нет, и мы живем отражением веры других людей, заряжаясь их энтузиазмом. Если бы не атмосфера общины, я бы сидел дома и жалел себя. И на этом этапе, и на всех последующих мы очень зависим от тех, кто идет с нами рядом.

29

Чудеса и недоброжелатели

Улица каждый день приносила свои сюрпризы.

Одни встречи согревали сердце. Помню мужчину, который подошел ко мне спустя пару месяцев после нашей первой встречи на перекрестке и показал ту самую книжку. Она была изучена от корки до корки, поля исписаны заметками, повсюду закладки и подчеркивания. Мы даже на семинарах так глубоко не копали. Уверен, что такие вещи меняют судьбу, даже если это проявляется не сразу.

Другое удивительное явление я наблюдал регулярно. Человек целенаправленно и уверенно идет по улице в одну сторону. Я останавливаю его, мы говорим пару минут, он берет книгу, оставляет пожертвование, а потом... разворачивается и так же уверенно уходит в прямо противоположном направлении. То

ли их специально приводила ко мне судьба, то ли встреча с книгой так меняла их судьбу, что это было видно сразу.

Один парень, бывший грузчик и атеист, равнодушный к марихуане, после встречи на улице около года практиковал вместе с нами. Потом он отошел, но остался верующим, стал членом местной христианской организации, избирался в местный парламент и очень хорошо относится к вайшнавам. Так понемногу и одухотворяется атмосфера.

Были и недоброжелатели. Шустрые парни, любившие исподтишка дать монаху подзатыльник, и «добрые» уличные проповедники с рупором, которые кричали прохожим, что мы все, и особенно я, сгорим в аду. Нет, протестанты разные были, конечно, и с некоторыми из них мы очень хорошо могли пообщаться о Боге, но большая их часть считала меня приспешником Сатаны.

Но самым колоритным персонажем был один странный, неопрятный мужчина лет пятидесяти с потертой сумкой.

В обычной жизни он вел себя как все. Но стоило ему увидеть на перекрестке кого-то из нас, как с ним происходила перемена. Он подбегал, начинал кружить вокруг, злобно смотрел в глаза и громко и злобно... лаял. Это было не ругательство и не оскорбление, а именно громкое собачье гавканье. Я не пытаюсь его обидеть, просто иначе это никак не назовешь. И так все пять лет, что я иногда там бывал. Хотя недавно я увидел свежие фотографии из монреальского храма и, кажется, заметил там человека, очень похожего на него, с такой же сумкой. Может, и до него достучались. А если нет, то он в любом случае несколько лет честно нам «подпевал» как умел.

30

Марафон длиною в шестнадцать часов

Дни в Монреале шли за днями, сливаясь в одну плотную рутину. Но раз в году эта стабильность взрывалась, потому что наступал декабрьский марафон. В это время на улицу с книгами выходили все, и ветераны, которые не делали этого лет десять, и робкие новички.

Последняя неделя марафона незабываема. Обычно после пяти часов общения на холодной улице тело начинает сдавать, хотя энтузиазм только растет. А на марафоне мы стояли по восемь, десять, двенадцать часов. Последний день у меня длился шестнадцать часов подряд, с шести утра, когда появляются первые спешащие на работу люди, до десяти вечера, когда исчезают последние прохожие.

В какой-то момент просто забываешь, что у тебя есть тело. Ноги гудят, голос сорван, но ты этого не чувствуешь и летаешь от одного прохожего к другому. Мой рекорд тогда составил 194 книги за день. Как я ни бился, не смог дотянуть до двухсот, и последнюю книгу отдал уже пассажиру в вечернем автобусе по дороге в храм.

А вечером, совсем без сил, мы собирались в храме, ели остывшую с обеда еду, подсчитывали розданные книги и наперебой рассказывали друг другу истории, случившиеся за день. В такие моменты чувствуешь, что живешь в полную силу.

Так, в стабильной деятельности, проходил месяц за месяцем. Со стороны это могло показаться скучным однообразием, но внутренне каждый день был полон смысла, и скучно мне точно не было. Кстати, именно тогда я понял, как может быть устроена вечность, в которой, по мнению многих, можно сойти с ума от скуки. Однообразие создает стабильность, но вот внутри этой стабильности может скрываться бесконечное разнообразие переживаний.

31

В ловушке гордыни и пустом храме

Но постепенно люди из храма стали уходить. Просто так складывались обстоятельства. Кто-то переехал на квартиру, кто-то уехал в другую страну. Дамодар Гопал, который отвечал за мое пребывание в храме, тоже решил сменить уклад жизни, и общаться с ним стало почти невозможно. У вайшнавов есть два вида монашества. Одно из них ученическое, в нем были мы с ним, и после него человек обычно заводит семью. Другое пожизненное, когда человек дает обет безбрачия на всю жизнь.

Спустя почти год в огромном пустом здании храма остались только я, двое служителей-индийцев, не говоривших по-английски, и пожилой Гокулананда.

К тому времени мне стало одиноко. Да, в храм приходило много людей, вокруг было много старших и опытных вайшнавов, но мне не с кем было разделить простую человеческую жизнь, поделиться тем, что произошло на улице и о чем я переживаю. Я слушал новости из России, где в таких же монастырях жило по сорок молодых людей, а жизнь кипела на домашних

встречах, и немного завидовал. У меня начался период упадка, от которого я прятался только на улице, раздавая книги.

И тогда судьба, видимо, решила, что мне пора устроить небольшую встряску.

Однажды во время утренней службы к нам зашел странный человек. Он с порога смиренно упал ниц перед старшими (в восточных традициях так иногда приветствуют друг друга в знак уважения) и был очень вежлив и обходителен. Выяснилось, что когда-то он пару лет подряд был лучшим распространителем книг во всей Америке, потом куда-то пропал, а теперь вернулся и хотел пожить при храме.

Настоятель поговорил с ним полчаса и вынес суровый вердикт: «Он ни за что не останется здесь жить. Ни при каких условиях».

Мне это решение показалось странной и необоснованной жестокостью. Вот же он, ветеран движения, смиренный человек, у которого я мог бы чему-то поучиться, а настоятель почему-то с ним так суров. Гокулананда, который был тогда заместителем настоятеля, тоже не понял этого решения. Я решил, что я-то гораздо милосерднее. И когда на следующий день настоятель лег в больницу на операцию и трехнедельную реабилитацию, мы с Гокуланандой тайком нарушили его решение и разрешили страннику остаться.

32

Меч для очищения мира

Через пару дней Гокулананде тоже пришлось срочно уехать. В огромном храме остались только двое служителей-индийцев в

своей комнате и мы с новым постояльцем в другой.

С каждым днем его поведение становилось все более пугающим. Сначала он начал бормотать бессмыслицу. Потом я застал его в прихожей дерущимся с фикусом в горшке. А еще через день он доверительно сообщил мне, что он есть воплощение Бога, которое должно явиться в конце эпохи и очистить мир мечом. Я думал, что это странная шутка. Но затем он добавил, что на его спине невидимыми чернилами написан список имен тех, кого он должен покарать. А меч, к слову, он уже принес, поскольку в его сумке действительно лежал большой нож, больше похожий на тесак.

Мне стало не по себе. Я рассказал об этом паре старших прихожан, но они отмахнулись: «Ну да, странный парень,ждемся Гокулананду, пусть он решает, мы все равно не уполномочены принимать такие решения».

Я не очень чувствителен ко всяким тонким энергиям и вообще скептически отношусь к разговорам о них, но хорошо помню, что в нашей комнате тогда повисла тяжелая, гнетущая атмосфера. В какой-то момент он обвинил меня в воровстве вещей с алтаря и повел себя агрессивно. Я не выдержал, сорвался, схватил его за грудки и наорал, пригрозив лично вышвырнуть на улицу.

Зря я это сделал. После этого я перестал чувствовать себя в безопасности, если он оказывался у меня за спиной, и мне казалось, что в его списке на «очищение» только что появилось мое имя. Однажды я проснулся в час ночи оттого, что он сидит совсем рядом со мной в темноте и сам с собой говорит на каком-то языке, похожем на змеиное шипение.

Оставалось еще несколько дней. Не помню, почему я решил остаться жить в той же комнате. Наверное, потому что в храме больше нигде было закрыться. Была мысль уйти пожить к кому-

нибудь домой, но храм я покидать не хотел. Выгнать его силой я боялся, потому что пробраться в храм ночью было делом пяти минут, и тогда уж точно несдобровать. Полиция тоже вряд ли помогла бы, ведь его просто вывели бы за дверь, а дальше что? В общем, как-то так это было. Но я хорошо помню, как, засыпая в те дни, не был уверен, что он не решит меня зарезать и я утром проснусь, и просто думал: «Господи, Ты меня защити, пожалуйста, если что».

33

Сейф с сокровищами

Развязка наступила, когда вернулся Гокулананда. Наш «мессия» пропал на сутки, потом вернулся, и у обитателей храма тут же начали пропадать разные недорогие вещи вроде одежды, ручек, бутылок с водой и мешочков для четок.

Мы пошли искать его по храму и нашли в подвале в невменяемом состоянии, под действием наркотиков. Отвели его в комнату, уложили и стали ждать, пока он придет в себя. Ключ от своего армейского шкафчика он отдавать отказался, и пришлось срезать замок болгаркой. Внутри оказались все пропавшие вещи и небольшой металлический сейф, с которым он и приехал.

Мы решили, что в сейфе лежат какие-то ценности или наркотики, и начали его вскрывать. Тут он решил, что мы заберем и то, что внутри, и начал с нами драться, так что вчетвером мы его еле скрутили. Он кричал, плакал, умолял не забирать содержимое сейфа и говорил, что без этого его жизнь не имеет смысла, но что там, так и не сказал.

В конце концов мы вскрыли сейф. Там лежали... небольшие алтарные фигурки, образы Бога, которым он поклонялся.

Это были его собственные, единственные сокровища, которые он возил с собой. Я видел, как он вцепился в них и прижимал к себе, словно самых дорогих людей на свете, которых только что чуть не потерял.

Это зрелище меня сильно зацепило. Я понимаю, что все преломлялось через его искаленную наркотиками и безумием психику, но сквозь все это, с мечами и змеиным шипением, просвечивала душа верующего человека. Он держался за эти фигурки как за единственный маяк в своем личном аду. Я вдруг понял, что, несмотря на все это безумие, он действительно пытался сохранить свою практику и отношения с Богом, и что для него это было самым ценным.

Мы не стали сдавать его в полицию, просто выставили из храма, разрешив приходить на воскресные службы, если с ним рядом всегда будет кто-то, кто за ним присмотрит. Правда, он так и не пришел. Но, поскольку в храм легко было пробраться ночью, я еще какое-то время на всякий случай баррикадировал на ночь дверь в комнату от такого верующего, а ранним утром боялся встретить его по дороге до алтарной. И мне, считавшему себя милосерднее настоятеля, это стало хорошим уроком.

34

Ночные маски-шоу и духовный клептоман

Спустя пару недель после истории с «мессией» из больницы вернулся Анубхава и привел с собой старого друга, ветерана

движения, присоединившегося еще в конце 70-х, чтобы тот по-жил в храме. Это был совершенно адекватный, уважаемый человек, который читал замечательные лекции.

Была только одна незадача. Через неделю в храме снова начали пропадать вещи, причем на этот раз ценные. Например, у одной из прихожанок прямо из сумочки в алтарном зале исчезло золотое кольцо.

Прошло еще пару дней. Глубокая ночь, я сплю сладким сном после тяжелого дня на улице. Вдруг дверь распахивается, и в комнату врываются те самые двое служителей-индийцев, с которыми у нас до этого были прекрасные отношения. Они вытаскивают меня из спального мешка, прижимают к стене и начинают яростно кричать на меня по-бенгальски.

Я спросонок вообще не понимаю, что происходит. Они силой тащат меня по коридору к храмовому телефону, чтобы позвонить кому-то, кто сможет переводить. Выясняется детективная история. Индийцы втайне копили деньги, чтобы уйти из храма и жить в миру, скопили пару тысяч долларов, и этой ночью деньги исчезли из их запертой комнаты. Подозреваемых было немного, только я и тот пожилой ветеран, и они решили, что это я.

Мы будим ночным звонком настоятеля. Он первым делом спрашивает: «Они тебя не били?» Услышав, что только прижали к стене, он велит всем успокоиться и ждать утра.

Утром Анубхава приезжает и раскрывает карты. Оказывается, он втайне от всех установил в коридорах скрытые камеры. Мы смотрим записи и видим, как в комнату пробирается тот самый уважаемый ветеран, его старый друг. Снова визг болгарки, снова вскрытый армейский шкафчик, а внутри деньги и все пропавшие ценности.

Настоятель по старой дружбе не стал вызывать полицию и просто велел ему собрать вещи и уйти. Но пока тот собирал сумки, он умудрился украсть еще пару мелочей, например, мой бритвенный станок. Похоже, у него была kleптомания. Перед уходом мы даже перекинулись парой фраз, как будто ничего не произошло. Я смотрел на него и думал, какая же странная штука наши человеческие слабости и как порой ум вьет из нас веревки.

35

Извинения, зашедшие не туда

Этот человек ушел, а индийцы принялись извиняться за ночное маски-шоу. Один из них, к слову, был действительно очень чистым человеком. В знак примирения он вырезал мне из дерева кулон для четок, который я ношу до сих пор.

А второй, человек с очень беспокойным, детским умом, выбрал другую тактику. Он начал приносить мне еду, приносил и приносил, и каждый раз предлагал обняться в знак примирения. Но объятия становились все более долгими и странными... В общем, опуская детали, в какой-то момент он решил ко мне недвусмысленно гомосексуально пристать.

Господи помилуй, приехали! Снова звонок настоятелю. Это был уже перебор, ведь монах-служитель с двадцатилетним стажем, исправно выполнявший свои обязанности, вдруг выдает такое.

В духовной среде очень легко поверить, что статус, монашеская одежда и двадцать лет стажа сами по себе делают человека святым. Кажется, что святое место и строгий уклад гаран-

тируют чистоту каждого, кто там живет. Но внешняя дисциплина и годы аскезы не отменяют законов человеческой психики. Годы в монастыре сами по себе не исцеляют глубоких внутренних надломов, если человек честно с ними не работает, а иногда лишь прячут их под слоем религиозного этикета. И духовная зрелость не имеет ничего общего с наивной слепотой или готовностью терпеть нечто неподобающее, ведь настоящее смирение состоит в послушании истине.

Бедный Анубхава, на которого сыпались все эти проблемы. Выгнать этого служителя на улицу было нельзя из-за иммиграционных правил, поэтому после серьезного разговора он прожил в храме еще несколько месяцев, а потом, кажется, уехал в Индию.

36

Тигры, иллюзии и настоящая вера

Наверное, сейчас многие решат, что я сгущаю краски ради красного словца. Но все эти странные истории произошли со мной всего за один месяц.

Представьте, что вы всего полтора года как пришли к духовной практике и живете в одном из старейших храмов движения. И вдруг за тридцать дней три человека со стажем духовной практики от двадцати до сорока лет (причем какие — бывший знаменитый проповедник, служитель алтаря и уважаемый лектор) по очереди принимают наркотики, обкрадывают своих, кричат на вас по ночам, объявляют себя воплощением Бога с карающим мечом и сексуально домогаются. После такого меня, мне кажется, удивить уже сложно.

Духовная практика не стирает человеческие изъяны пощелчку пальцев, и в любое общество будут приходить люди с тяжелым багажом странностей. Мы не должны «обниматься с тигром», то есть обязаны выстраивать здоровые границы, выгонять воров и защищать себя и других от неадекватного поведения, и особенно эта ответственность лежит на лидерах. Но внутри себя мы должны научиться видеть главное, искру веры в человеке. Вести себя с людьми нужно с учетом их слабостей, а относиться к ним по той вере, которая в них есть, потому что это правда важнее. Я не считаю тех троих плохими людьми. У них была правильная цель, и они искренне пытались идти к свету, просто где-то им не хватило внутренних сил, и прошлое взяло верх.

Я часто вижу, как люди бросают духовный путь, столкнувшись с обычным хамством или лицемерием в общине. Они возмущаются, что если тут все такие святые, то почему они так себя ведут, и хлопают дверью, потому что так и не научились отделять суть учения от человеческого фактора. А путь работает, потому что служение и попытки развить любовь к Богу не может не работать. В той же самой общине, параллельно со всем этим абсурдом, шла настоящая духовная жизнь, я видел очень чистых сердцем людей и видел, как люди меняются. Там, где мы держимся сути, мы расцветаем, а там, где отпускаем ее, все постепенно принимает странные формы.

Оглядываясь назад, я понимаю, что весь этот канадский триллер был подготовкой. Судьба закаляла меня, чтобы я смог стать частью команды, с которой проведу, пожалуй, самые счастливые годы своей жизни.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Индия

Главы 37–47

Идеальная открытка и индийская реальность

После всего этого канадского триллера настоятель принял, как я сейчас понимаю, мудрое и благородное решение. В ущерб интересам храма, которому всегда нужны рабочие руки, он поставил на первое место мою духовную жизнь и предложил отправить меня на полгода в Индию, в Маяпур, чтобы я там учился и восстанавливался в кругу ровесников. Маяпур, небольшой город в Бенгалии, считается одним из главных священных мест в вайшнавизме.

Я упирался. Мне казалось, что если я уеду, то сдамся, проявлю духовную слабость. Но меня уговорили, и я начал собирать вещи.

Я совершенно не представлял, куда лечу. Фотографий я не искал (компьютера-то, да и выхода в интернет, у меня не было) и никого не расспрашивал. Священные места Индии я представлял себе по открыткам. Вриндаван и Говардхан, два священных места, которые я считал частями одного города, виделись мне средневековой деревушкой у подножия величественной горы, где тысячи праведников в белых одеждах живут в палатках и непрерывно поют. Настоящий земной рай. Примерно как на этой картинке.

Единственное напутствие, которое мне дали перед отлетом, звучало так: «Не проси у Бога очищения от гордыни быстрее, чем сможешь это переварить». И рассказали поучительную историю про мужчину, который некогда был прихожанином нашего храма и в какой-то момент в Маяпуре попросил быстрого очищения, а в ту же ночь поскользнулся в туалете и так располрол руку о раковину, что пальцы перестали шевелиться, а сшивали ее потом без анестезии обычной иглой. С этим ценным багажом знаний я и полетел.

Перелет до Дели с пересадками занимал почти сутки. И вдруг прямо в самолете я увидел ребят в монашеских одеждах. Оказалось, они летят на священную гору Говардхан на праздник. Во мне тут же разыгрался идеализм. Завтра праздник, а я, как предатель, пролечу мимо? Мне тогда был всего двадцать один год, так что я порой был немного ветрен и наивен, и потому решил ехать с ними и просто пропустил свой стыковочный рейс до Калькутты.

Темная подворотня и глупый страх

Культурный шок начался еще по дороге, когда я увидел грузовики, увешанные снаружи гроздьями людей, едущих на работу. Но настоящий удар случился, когда мы прибыли на место. Ни горы, ни белых одежд. Меня высадили в центре города, забитого машинами. Вместо палаточных городков вдоль обочин спали нищие, а вместо райских куш тянулись сточные канавы с удушливым запахом.

Вдобавок выяснилось, что мои попутчики принадлежали к другой ветви нашей традиции (у вайшнавов, как и у христиан, есть разные ветви), ехали в свой храм и не знали, где наш. Я остался на улице один. Четыре часа утра, темно. Ко мне подъезжает велорикша, то есть человек на велосипеде с небольшим прице-

пом, на котором он возил других людей. Из-за утреннего холода он был замотан шарфами так, что торчали только глаза, вылитый террорист из кино. И по-английски он не говорил, а я не говорил на хинди. Начитавшись в самолете историй о том, как доверчивых иностранцев в этих краях грабили и резали за две монеты (а у меня в кармане лежало три тысячи долларов наличными), я все же сел в коляску, потому что понятия не имел, как самому добраться до нашего храма.

Мы ехали, а я все больше ужасался видам вокруг. А потом вдалеке зазвучало пение утренней службы, и я подумал: «Слава Богу, сейчас приедем, и там-то точно будут тысячи людей в белом». Но рикша вдруг свернул в глухой темный переулок без единой души. У меня мелькнула мысль бросить сумки и бежать, пока не поздно. Но тут он остановился, молча показал рукой на металлические ворота, за которыми была полная темнота, и уехал.

Я докричался до охранника. Оказалось, это наша школа санскрита, а храм в паре десятков километров. Территория была очень аскетичной даже по индийским меркам, а местные комары, как меня тут же обрадовали, находились на пике сезона малярии.

Но, к моей большой радости, среди пятерых постояльцев этой школы оказался... тот человек, который когда-то в Монреале первым поклонился мне и дал десятиминутное наставление. Оказывается, он приезжал сюда каждый год на месяц, чтобы в тишине читать священные тексты с друзьями. Он увидел меня и просто предложил: «Мы тут каждый день читаем писания с утра до вечера. Раз уж ты здесь оказался, оставайся с нами на оставшиеся две недели».

Знаете, если и есть в моей жизни поступок, о котором я очень жалею, то это мой ответ. С такими людьми редко выпа-

дает возможность близко пообщаться, но шок от Индии, комаров и грязи настолько пересилил мой разум, что я выпалил: «Нет, спасибо, мне бы поскорее в Маяпур». Я просто хотел бежать в более цивилизованные условия. Мне до сих пор немного стыдно, что я променял такое общение на страх перед бытовыми неудобствами.

Самое ценное Бог часто присылает в самой неудобной упаковке. Мы ждем Его даров в виде чего-то приятного, а они приходят в виде комаров, грязного переулка и человека, который предлагает в этих условиях две недели читать книги. И мы отказываемся не потому, что не хотим Бога, а потому, что хотим Его на своих условиях. Теперь, когда мне что-то неудобно, я стараюсь сначала спросить себя, нет ли в этом неудобстве ценного подарка, и только потом отказываться.

39

Вальяжно на переднем сиденье

Меня переправили во Вриндаван (ехать пришлось, вися снаружи моторикши на какой-то балке). Мест в храме не было. Я бесцельно побрел на коровью ферму, где случайно столкнулся со знакомым из Монреаля, который выпросил для меня ночлег.

На следующий день я наконец прилетел в Калькутту. Никакое такси меня не ждало, а ехать на машине было часа четыре. И в очереди за багажом я пристал к какому-то человеку в вайшнавской одежде с вопросом, как добраться до места. Он радушно предложил поехать на его машине.

Как выяснилось позже, это был один из мировых руководителей нашего движения. Он с супругой скромно сидел на зад-

нем сиденье индийского «амбассадора», пока я, зеленый новичок, вальяжно развалился на переднем.

Как часто старшие проявляют к нам заботу, а мы по своей глухоте воспринимаем это как должное. По дороге они попросили водителя остановиться, чтобы купить кокос. Я не сказал ни слова, но в своем узком неофитском фанатизме мысленно их осуждал, мол, к чему это мирское наслаждение кокосами, мы же торопимся в святое место.

Наконец мы добрались до Маяпура. Я нашел свою комнату, открыл дверь и увидел, как мой сосед, парень с Гавайев, против своей воли освобождает содержимое желудка в тазик у кровати. Индийская акклиматизация в действии.

Я сел на свою скрипучую кровать, оглядел облупившиеся стены, посмотрел на тазик и с ужасом подумал: «Мне здесь быть полгода. Куда я попал...»

Священный пирожок и урок принятия

Мое пребывание в Маяпуре началось предсказуемо. Уже через три часа после приезда рядом с моей кроватью стоял такой же тазик, как у соседа. Сказались немытые с дороги руки и глоток индийской воды из-под крана. Следующие сутки были не самыми приятными в моей жизни, но потом немного отпустило.

Оклемавшись, я дошел до алтарного зала и сел в стороне. В этот момент служитель раздавал освященную еду, то есть пищу, которую сначала предложили Богу (у нас ее принимают как благословение, примерно как православные принимают просфору). Он кинул кому-то в толпе пирожок, но человек не поймал его. Пирожок упал на грязный пол, прокатился через весь зал и остановился ровно у моей ноги.

Я сидел, смотрел на этот пыльный пирожок и думал, есть его или нет. Дело в том, что освященную пищу полагается принимать с почтением.

Казалось бы, бытовая мелочь. Но тогда для меня в этом был большой символ, выбор между принятием своей судьбы и попыткой с ней бороться. Доверяю ли я Богу, что все идет как надо, или считаю себя центром вселенной, который контролирует ситуацию?

Минут пятнадцать я крутил этот пирожок в руках. Повторения вчерашнего дня с тазиком мне совсем не хотелось. Но потом я решил, что нужно довериться. Не зря же этот кусок теста пересек огромный зал, чтобы остановиться у моей ноги. И я его съел.

После этого жить стало проще, не в смысле здоровья, которое как раз постоянно сдавало, а в смысле внутреннего спокой-

ствия. Святое место учило меня умению принимать свою судьбу. Обычно мы либо воюем с ней, считая, что заслуживаем большего, либо безвольно плывем по течению. А нужно делать все, что от тебя зависит, и при этом полностью доверять воле Бога. Сначала в мелочах вроде упавшего пирожка, а со временем и во всей жизни.

41

Духовный восторг в ледяном туалете

Тем не менее этот урок давался мне тяжело. В Индии я болел почти непрерывно, то простуда, то расстройство желудка, то непонятная сыпь, то ожог. А когда тело страдает, желание жить духовной жизнью резко падает. Мне всегда не хватало веры тех святых людей, которых болезни только подстегивали служить еще активнее.

Помню декабрьскую ночь. Я подхватил какую-то местную бактерию. Час ночи, воздух около десяти градусов, а температура у меня подбирается к сорока. Я уже час сижу в ледяном уличном индийском туалете с сильнейшим отравлением и в отчаянии думаю: «Господи, как духовная жизнь вообще с этим сочетается? Я же приехал в святое место, здесь должна быть благодать, а не вот это вот все».

Тогда я не понимал, что в этом и было мое счастье. Да, было непросто. Но если ты делаешь именно то, что уготовила тебе судьба, и живешь в служении Богу, несмотря на трудности, внутри появляется чувство, которое трудно назвать словами. Можно лишь сказать, что оно многого стоит. Это похоже на опору, которая ни от чего не зависит, на уверенность, что ты

находишься ровно там, где должен быть, и проходишь то, что тебе предназначено. Это счастье, но не как всплеск эндорфинов, а как отсутствие экзистенциальной пустоты. Правда, повторять тот опыт у меня и сейчас нет никакого желания.

42

Слон в посудной лавке и незаметные мудрецы

Со временем я обжился, и мое самолюбие перестало паниковать и начало понемногу... гордиться. Я поймал себя на том, что смотрю на местных рабочих и охранников свысока. Я-то монах, живу духовной жизнью и приехал сюда постигать смыслы, а они просто облуга.

Мне понадобилось время, чтобы разглядеть, что в этих простых людях с рождения заложена такая культура чистоты, до которой мне расти и расти. Например, уборщицы никогда не начинали подметать, пока я не выйду из комнаты, потому что оставаться в одном помещении наедине с чужим мужчиной в их культуре считается нецеломудренным.

А еще в путешествиях, где собираются люди из самых разных мест, нужно быть очень осторожным. Ты никогда не знаешь, кто перед тобой. В Канаде была хоть какая-то иерархия, а здесь мы все ходили без особых знаков отличия.

Помню, как на одном из занятий один мужчина никак не мог понять суть простого задания, которое мы делали в парах. Я вышел из себя и подумал: «Как можно быть таким бестолковым?», раздраженно повысив на него голос. А через месяц узнал, что он в тот день принял высший монашеский сан, который дают немногим.

В другой раз я зашел в храм и захотел сесть у колонны, чтобы опереться спиной. Там уже сидел какой-то пожилой человек в простой белой одежде, какую у нас носят семейные люди. Рядом лежала его сумка, которая мешала мне сесть. Я бесцеремонно отодвинул ее в сторону, подумав: «Нечего тут вещи раскладывать», и плюхнулся вплотную к нему. Он удивленно посмотрел на меня, но смолчал. Позже мне сказали, что это был один из самых уважаемых вайшнавов России, которого я просто не знал в лицо.

И так во всем. Мы ведем себя как слоны в посудной лавке, не понимая, с кем имеем дело, через что прошел этот человек и каков его внутренний масштаб. И это верно не только для святых мест. Когда мы встречаемся с кем бы то ни было, мы ведь не знаем, что пережил этот человек и какой путь уже прошла его душа.

43

Пир из шестнадцати блюд в земляной хижине

Но, пожалуй, самый сильный удар по моей «духовной гордыне» нанес мой сосед по комнате, бенгалец, ставший монахом еще в шестнадцать лет.

Сначала он рассказал мне об изнанке святого места, о конфликтах и о местной «религиозной мафии». А потом повез меня в соседнюю глухую деревню. Там стояли крошечные хижины с земляными полами и без электричества, но при этом везде была идеальная чистота, ровные стены, ухоженные деревья, и в воздухе висела удивительная атмосфера простоты и радости. Там жили верующие той же традиции, но не из нашего

движения. Зарплата работающего человека составляла там примерно десять долларов в месяц.

Несколько семей скинулись, чтобы устроить праздник в честь приезда моего соседа, и для сорока гостей приготовили пир из шестнадцати блюд. Было даже яблочное чатни, хотя яблоки в Индии стоят дороже, чем спелые манго в России. Не представляю, сколько месяцев им пришлось копить на этот праздник.

И вот эти люди, с их аскетичностью, врожденной культурой простоты и глубокой верой, внимательно и благоговейно слушали заодно и меня, сопливого новичка из Сибири. Просто потому, что я когда-то преодолел свою природу, бросил есть мясо и встал на духовный путь. Для них это было чудом и признаком моей духовной возвышенности.

Я сидел в этой земляной хижине, ел яблочное чатни и думал. Стал бы я, имея за спиной сорок лет духовной практики, с таким же благоговением слушать новичка только за то, что он сделал шаг к свету? Вряд ли. Я бы оценивал его с высоты своего опыта, а они слушали.

Оглянитесь сейчас на свою комнату, посмотрите на свой быт. Вспомните, как мы расстраиваемся из-за засорившегося фильтра для воды или медленного интернета. И представьте, какой уровень внутренней культуры нужно иметь, чтобы жить в земляной хижине на десять долларов в месяц, закатывать пиры для гостей и быть при этом по-настоящему счастливым. И что же способно дать человеку такое состояние?

Позже один знакомый показал мне в Маяпуре общины других ветвей нашей традиции, и там я встретил очень простых людей, посвящающих жизнь Богу, и почувствовал с ними больше родства, чем ожидал. До этого все, кто был не из нашего движения, казались мне «какими-то не такими». Тогда я

понял, что гордость своей верой бывает двух видов. Одна вырастает из любви к Богу, а другая из самолюбия, и отличить их легко. Первая дает нам уважение ко всем живым существам, даже если мы с ними не согласны, а вторая внутренне отделяет нас от них.

44

Поляк Махашринга и каша на всю деревню

Знакомство с местными на этом не закончилось. Вскоре в Майпур приехали мои канадские друзья и познакомили меня с человеком по имени Махашринга. Это был поляк, который уже много лет жил в Индии с семьей.

Его день выглядел так. Он просыпался до четырех утра, медитировал, готовил завтрак человек на двадцать и шел в храм. После утренней службы к нему домой приходило человек десять-двадцать. То были его друзья, знакомые и просто те, кого они случайно привели с собой. К нему можно было в прямом смысле зайти с улицы. Он знакомился с тобой, тут же усаживал за стол и кормил, а за завтраком всегда шли горячие разговоры о Боге и смысле жизни.

После завтрака он шел в соседнюю деревню, чтобы приготовить полтонны каши, называвшейся кичри, для местных бенгальцев. Деньги на эту кашу он зарабатывал, когда выезжал проповедовать за пределы Индии. Когда еда была готова, он шел по деревне и пел мантры, и это был сигнал, что каша готова. Он сам раздавал еду и сам мыл котлы. А вечером возвращался домой, где его снова ждали гости, которым он всегда

был рад. Он усаживал всех ужинать, после чего начиналось пение мантр.

Иногда гости засиживались за беседами до поздней ночи. И тогда Махашринга просто ложился на циновку в углу собственной гостиной со словами: «Вы на меня не обращайтесь внимания, общайтесь, а я тут вздремну минут пятнадцать».

Позже я понял, что видел не просто гостеприимного человека, а особый вид служения Богу, который есть во всех традициях. Об этом история Авраама, который принял трех путников, и об этом русский обычай сначала посадить гостя за стол, а потом расспрашивать. Махашринга мог держать двери открытыми, потому что не считал свой дом, свою еду и свое время своими. Все это было Божьим, а значит, принадлежало и любому, кого Бог привел с улицы.

► ВИДЕО

Махашринга прабху, Индия

<https://teologmak.ru/bio#v2>

45

Банановые листья и песни в огне

На следующий день Махашринга повел нас петь в деревню поменьше, дворов на двадцать. В тех краях еще жив удивительный обычай. Если по улице идет процессия с песнопениями в адрес Бога, то все, кто был дома или шел с работы, без приглашения присоединяются к ней. Среди поющих я неожиданно встретил даже местного мужчину, который на днях обманом выманил у

меня деньги на наркотики. А тут он сидел и пел вместе со всеми во славу Бога.

В какой-то момент Махашринга заметил, что в толпе нет одной местной старушки, и спросил, где она.

Нас завели в крошечную хижину. Оказалось, больше месяца назад женщина готовила еду на открытом огне, и пламя перекинулось на ее одежду. Все ее тело было в страшных ожогах. Денег на больницу или даже лекарства не было, просить у нас они стеснялись, поэтому семья просто обкладывала ее раны банановыми листьями в надежде, что их сок поможет от ожогов.

Но поразило меня не это. Когда мы зашли, она нас даже не заметила. Она лежала в темноте, покрытая банановыми листьями и ожогами, и... пела. С утра до вечера, больше месяца, испытывая страшную боль, эта женщина пела песни о любви к Богу. Не молилась и ничего у Него не просила, а именно пела о Его славе.

Здесь есть разница, которую я долго не замечал. Почти все наши молитвы это просьбы, и в этом нет ничего плохого, потому что ребенок тоже просит у отца. Но пока мы только просим, мы еще не знаем, любим ли мы Бога или пользуемся Им. А эта женщина в самой страшной боли не просила ничего. Она просто радовалась тому, что Он есть. Такая молитва ничего не ждет взамен, и поэтому ее нельзя разрушить ни болезнью, ни бедностью, ни тем, что просьба не исполнилась.

Обычным, туристическим взглядом святое место понять невозможно. Но если тебе повезет получить проводника, который пустит тебя за кулисы, ты начинаешь видеть вещи, которые недоступны внешнему миру.

Гирлянды в ночи

Еще одним важнейшим событием маяпурского периода стала встреча с моим будущим духовным учителем.

Я слушал его лекции каждый день, когда еще жил в Монреале, во время долгих поездок в автобусах, и именно его слова давали мне силы в начале пути. Он приехал в Маяпур на административные заседания и в тот раз лекций не давал. Но меня переполняла такая благодарность, что мне хотелось сделать для него хоть что-то.

В то время я болел (как и почти всегда в Индии). Из-за пневмонии температура месяц держалась выше тридцати восьми, мучил сильный кашель, было больно говорить. Но каждый вечер я брал велосипед и ехал от дома, где жил, к центральному храму. Там я выпрашивал у служителя огромную, в человеческий рост, цветочную гирлянду с алтаря, потому что их меняли каждый день. С этой тяжелой гирляндой я ехал к дому, где жил учитель.

Я не хотел его беспокоить, поэтому просто вешал цветы на ручку двери и уезжал в темноту, пока меня не заметили. Обратно я ехал потный, на встречном ветру, и на следующее утро чувствовал себя еще хуже. А вечером все повторялось снова.

Я не знал, что стало с этими гирляндами и видел ли он их вообще. Но это были одни из самых счастливых вечеров в моей жизни, потому что по чистоте и бескорыстию это были самые светлые моменты моего служения.

Впрочем, позже я понял, что в той моей влюбленности в учителя была идеализация, как когда-то с «размытым пятном». Я

наделял его всеми совершенствами, какие только мог себе представить. Со временем эта влюбленность прошла, и с тех пор я стараюсь строить отношения с ним на трезвой основе, что гораздо сложнее. В вере, как и в семье, есть чувства выше и чище влюбленности. Это не сухой разум, но и не сантименты на ложном основании.

47

Тиртха Павана

После окончания заседаний я все-таки попал к нему на встречу. Я пришел с одним философским сомнением, которое не давало мне покоя (до этого я уже измучил им всех старших, до кого мог дотянуться). Учитель пытался убедить меня логикой, приводил аргументы, но я не соглашался. В какой-то момент он замолчал, посмотрел в окно и вдруг очень тепло сказал: — Господь такой красивый...

И я подумал: «Действительно. Господь такой красивый. Буду Ему служить».

Мое философское сомнение, к слову, никуда не делось до сих пор, но об этом в другой раз. Сомнения в духовной жизни часто воспринимают как катастрофу или признак незрелости, но для живого разума они естественны. Разум по своей природе ищет слабые места и хочет, чтобы логика сходилась, а если требовать от него слепого согласия, это уже насилие над собой. И это важно. Важно логикой понимать и проверять свое мировоззрение, иначе мы можем начать верить в откровенную чушь. Но при этом личные отношения с Богом строятся не на идеально подогнанных философских построениях. Их основа в

прямом переживании подлинности и Красоты, перед которой любые интеллектуальные тупики становятся второстепенными.

После этого я набрался смелости и сказал, что хочу стать его учеником. Учитель ответил, что подумает. На следующий день мне сообщили, что он согласен, а еще через день состоялась церемония. Это случилось восьмого марта. Помимо обычных обетов, которые дают все посвященные (не есть мяса, не употреблять никаких одурманивающих веществ, не играть в азартные игры и хранить целомудрие), я дал еще один, изучать священные книги и посвятить жизнь тому, чтобы обучать им других. Тогда это был скорее сентиментальный порыв, и кто же знал, что Небеса воспримут это так буквально и все следующие годы я буду заниматься именно этим.

Принимая мои обеты, учитель дал мне духовное имя: — Спасибо тебе. Пожалуйста, служи людям и помогай им понимать писания. Мы приходим в святые места, чтобы оставить там свои грехи, а великие святые очищают эти места своим присутствием. Одно из имен Бога означает Того, кто очищает все святые места. На санскрите это Тиртха Павана, а ты Его слуга, Тиртха-павана дас («дас» значит «слуга»).

Затем мы с канадскими монахами заехали во Вриндаван, где все дружно слегли с очередной индийской инфекцией. Мы лежали пластом и слушали праздничные лекции из динамиков. Но вместе даже болеть веселее, и когда у тебя есть настоящие друзья, лучше лежать с ними в лихорадке, чем быть здоровым в одиночестве.

А потом мы вернулись в Канаду. И началась очень интересная глава моей жизни.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Автобус «строгого режима»

Главы 48–65

48

Автобус

Следующие годы я провел в небольшой группе монахов. Чтобы понять, куда я попал, нужно знать небольшую предысторию нашего лидера, Нитай Рама. Когда-то он пришел в храм в Ванкувере и прожил там семь лет единственным монахом на весь город. Если я через год жизни в огромном пустом здании начал выть от одиночества, то даже не представляю, чего стоила ему эта ванкуверская изоляция. Он не любил об этом вспоминать и обмолвился лишь, что пару раз пытался уехать. Однажды он даже запрыгнул в проезжавший мимо автобус странствующих проповедников, но его наставник написал ему строгое письмо, чтобы он возвращался на свое место, а не прохлаждался, и Нитай Рам покорно вернулся.

Спустя семь лет его все-таки отпустили, но не на курорт, а в Галифакс, город, где не было ни общины, ни храма. Туда он переехал вдвоем с еще одним монахом по имени Каруна Синдху, и до ближайших «своих» было полторы тысячи километров. За пять лет они создали общину с нуля и привлекли к монашеской жизни еще троих парней. Так в Канаде появилась единственная на тот момент монашеская община, всего из пяти человек. И именно к ним, вернувшись из Индии, присоединился я и еще пара новобранцев.

Вскоре Нитай Рам затеял авантюру. Он решил купить старый автобус, переоборудовать его в дом на колесах и отправиться всей командой колесить по стране, чтобы нести духовность в самые разные ее уголки.

Местные прихожане пожертвовали деньги, а настоятель монреальского храма лично взялся за болгарку и сварку. Ребята вынесли часть сидений и соорудили двойной пол, где внизу был склад для книг и продуктов, а наверху спальные места. Автобус превратился в настоящий передвижной монастырь, по крайней мере до первых заморозков.

► ВИДЕО

Сборка автобуса

<https://teologmak.ru/bio#v3>

Меня, к слову, на этих кадрах нет, потому что по невежеству я считал грязную работу с инструментами ниже своего достоинства. Я же проповедник, мое дело нести людям высшее знание, а не гайки крутить. В начале пути мы часто мыслим так узко, что не видим, как мытье полов, сварка труб и множество других простых дел могут быть связаны со служением Богу.

Обычное действие становится духовным, когда человек делает работу как честное подношение Господу, тщательно, спокойно и ради Того, Кто видит даже то, что скрыто от чужих глаз. И тогда хорошо затянутая гайка может оказаться куда ближе к Богу, чем самая красивая проповедь, прочитанная ради собственного тщеславия.

Так или иначе, через пару недель автобус был готов, и мы отчалили.

► ВИДЕО

Первый выезд

<https://teologmak.ru/bio#v4>

Обратите внимание на парня в красной майке на видео. За сутки до этого я встретил его на улице и уговорил пожить с нами пару дней. Он пришел, посмотрел на наш спартанский быт, ужаснулся и решил уйти. Он уже собрал вещи и взялся за ручку двери... и в эту секунду с неба обрушился такой ливень с градом, что парень замер, выдохнул и сказал: «Видимо, Господь против». И остался.

49

Тяжелая ночь

Изначальный план у нас был достаточно мягким, то есть выезжать из Монреаля на пару дней, раздавать книги и возвращаться в теплый храм. И вот наш монастырь на колесах отправился в свой первый рейс.

Нашей целью был город Гуэлф. Мы приехали туда под вечер. По канадским законам спать в автобусе посреди города нельзя, поэтому мы припарковались на специальной пустынной стоянке за чертой города.

Стоял июль, и мы умудрились выехать в самые жаркие три дня того года. Даже ночью температура не опускалась ниже тридцати двух градусов, и не было ни ветерка. Мы расстелили спальные, открыли настежь все окна автобуса и легли спать.

И тут началось.

Не знаю, рядом с каким болотом мы припарковались, но стоило нам открыть окна и выключить свет, как внутрь налетели полчища комаров. Это был уже не писк, а гул, от которого разве что стекла не дрожали. Можно было взмахнуть рукой и почувствовать, как пальцы проходят сквозь их рой.

Выбор был невелик. Либо ты залезаешь в спальник с головой, закрываешь единственную дырку для воздуха шерстяной кофтой и медленно варишься в тридцатиградусной бане, с чужими потными пятками под носом. Либо идешь спать на улицу, в траву, где есть хоть какой-то ветерок, но там тебя съедают заживо. Я, как и все остальные, заснул только к двум часам ночи, а в четыре уже был подъем и утренняя программа.

► ВИДЕО

Утренняя джапа

<https://teologmak.ru/bio#v5>

После утренней программы мы вышли в центр города под палящее солнце раздавать книги и провели там весь день.

Я надеялся, что вечером Нитай Рам перегонит автобус куда-нибудь подальше от этого комариного места. Но наш доблестный лидер собрал нас, радостно объявил, что нашел решение, и торжественно достал... один маленький баллончик средства от комаров.

Он всерьез верил, что этот баллончик нас спасет. Я умолял, приводил доводы и требовал уехать куда-нибудь еще. Но старшие были непреклонны, и я чувствовал себя Трусом из «Операции Ы» вот с этого кадра.

В общем, как вы понимаете, нас ждала вторая ночь в том же самом аду.

Духовный аферист и гостеприимные нудисты

Прожив вторую ночь без сна, Нитай Рам начал задумчиво чесать покусанную голову и рассуждать о том, что надо бы купить москитные сетки и как-нибудь примотать их скотчем к окнам.

Я слушал это и понимал, что третью ночь я там ночевать не буду, чего бы мне это ни стоило.

Выйдя на улицу с книгами, я превратился из проповедника в охотника за ночлегом и все время пытался зацепиться хоть за кого-нибудь из прохожих. Наконец один парень проявил живой интерес к философии. Я тут же взял его в оборот и пригласил пообедать с нами в парке.

Сидя с ним вместе, я пошел ва-банк: — Слушай, а давай мы сегодня вечером проведем прямо у тебя дома духовную программу?

Парень позвонил жене на работу: «Дорогая, я тут встретил монахов, давай устроим с ними встречу вечером». Жена слегка опешила, но согласилась. А я вернулся на перекресток и начал зазывать всех, кто брал у меня книги, в дом к этому парню, адрес которого узнал пять минут назад.

К вечеру в его гостиной помимо нас собралось еще пятеро гостей. Встреча прошла отлично, и ближе к десяти вечера, когда пора было расходиться, наступил момент истины. Я сказал, что ехать нам далеко, и спросил, нельзя ли переночевать у них в гостиной. Они согласились.

Мы рухнули спать. Ни комаров, ни тридцатиградусной духоты, только чистый прохладный пол. Много ли надо для счастья.

Правда, на следующее утро нас ждал небольшой сюрприз. Выезжать нужно было очень рано, потому что к обеду нас ждали в другом городе. Мы тихонько встали, собрали вещи и направились к выходу. Но оказалось, что радушные хозяева, уступившие нам гостиную, сами легли спать не в спальне наверху, а в проходной комнате, через которую нам нужно было идти к выходу. И спали они, обнявшись, совершенно голыми.

Так что пятеро целомудренных монахов гуськом, с закрытыми глазами, стараясь не дышать, пробирались мимо раскинувшихся канадских нудистов на свободу... С тех пор у семейных людей мы на всякий случай старались не останавливаться.

51

Десант в холостяцкую берлогу и партизанская проповедь

Вернувшись в Монреаль, мы планировали просто загрузить автобус книгами и поехать в следующий город. Но автобус сломался. Ремонт требовал нескольких дней, а сидеть на месте мне не хотелось.

Мы с монахом по имени Джеф вспомнили, что на последней программе в Гуэлфе познакомились с парой холостых ребят, и решили добавить приключений. Под завязку набили легковую машину книгами и поехали туда вчетвером, даже не зная наверняка, пустит ли нас кто-нибудь на порог.

► ВИДЕО

Поездка в неизведанное

<https://teologmak.ru/bio#v6>

Прямо с трассы мы дозвонились до одного из новых знакомых, разнорабочего по имени Дерек, и он согласился нас приютить. Дерек жил один, и дом у него был типичной холостяцкой берлогой. Жили там несколько собак, мебель и полы покрывал толстый слой шерсти и грязи, царил страшный бардак, а в раковине лежали тарелки с недоеденными кусками мяса.

За один вечер мы отмыли кухню, вычистили дом, как могли одухотворили атмосферу и провели с ним хорошую встречу. А на следующий день отправились в город искать жилье поудобнее. Нам повезло, мы встретили пожилую пару из Бенгалии, которая знала о нашей традиции и согласилась пустить нас на пару дней в свой подвал.

Так мы выходили на улицу с книгами, по вечерам собирали заинтересовавшихся парней прямо в парке и брали у них номера телефонов, чтобы позвать на большую встречу, как только найдем подходящее помещение. Эти дни были такими насыщенными, что, когда через четверо суток к нам наконец приехал починенный автобус с остальной командой, у нас с Джефом было чувство, будто мы пробыли на передовой как минимум месяц.

52

Шальная энергия и смена курса

Поскольку большого помещения мы так и не нашли, первую выездную воскресную программу мы провели прямо в парке.

► ВИДЕО

Воскресная

<https://teologmak.ru/bio#v7>

А вот продолжение уже внутри автобуса. На кадрах только трое из нашей команды, остальные гости. Парень с мешочком для четок на шее, который в конце играет на барабане, тоже гость, и за эти четыре безумных дня он начал ежедневно повторять мантру.

► ВИДЕО

В автобусе

<https://teologmak.ru/bio#v8>

Атмосфера, как видно по видео, была немного шальной, но очень радостной. В Канаде уже много лет не случилось, чтобы кто-то с нуля за неделю собрал на духовную встречу столько молодых местных ребят. В воздухе чувствовалась та самая энергия первопроходцев, которая была у движения в первые годы его распространения на Западе.

С тех пор наша концепция путешествий сильно изменилась. Мы поняли, что просто раздавать книги на перекрестках мало. Нужно ехать в города, где нет общин, сближаться с людьми и прямо на месте выращивать эти общины с нуля. Так, во многом из-за страха перед ночевками с комарами, родилась необычная для тех мест программа. И следующие три года моей жизни прошли в этом автобусе.

53

Чемпионат по глупости и аскетизму

Вскоре один добрый семейный человек пожертвовал нам домик в глуши.

Наша команда разделилась: половина осела в доме, занимаясь сельским хозяйством, а четверо, включая нас с Джефом, остались жить на колесах.

Я почти ничего не знаю о жизни в том доме, потому что мы с Джефом устроили негласное состязание, кто дольше не покинет автобус. Взять отгул и уйти спать в нормальную кровать хотя бы на денек считалось позорным «проигрышем».

Но на этом наше соревнование не закончилось. Мы начали состязаться в аскетичности, то есть у кого останется меньше вещей. Джеф отказался от подушки, и я подумал, что мне она тогда тоже не нужна. Затем я решил, что мне не нужно полотенце, а вытираться после душа можно чистой одеждой, которую потом сразу надеваешь. Обычный спальник казался слишком комфортным, поэтому мы перешли на самые тонкие. И так далее.

В итоге весь мой жизненный скарб свелся к тонкому спальному мешку, двум комплектам монашеских одежд, зубной щетке, станку для бритья, четкам, шлепанцам, свитеру и куртке.

Звучит как житие святых, но на самом деле это была большая глупость. Мы подсознательно решили, что в лишениях самих по себе есть что-то возвышенное. Мы устраивали телу испытания, которые аукнулись мне проблемами со здоровьем на годы вперед, а хуже всего, мешали главному делу, проповеди.

Мы соревновались и в том, кто меньше спит. В результате днем мы клевали носом, а Джеф, наш водитель, норовил уснуть прямо за рулем многотонного автобуса. Так что всю дорогу мне приходилось развлекать его разговорами, чтобы мы не улетели в кювет. Зато мы часами читали и обсуждали с ним священные писания, пока по шесть-восемь часов ехали из одного города в другой, и это было очень интересно.

Но в целом это типичная ошибка ума, когда тренировку силы воли принимают за духовную практику. Любые лишения без правильного настроя становятся просто мазохизмом. А правильный настрой заключается в том, чтобы делать только то, что полезно для дела Господа, и не отвлекаться на игры эго.

54

Райские восходы и ледяное чистилище

Мы старались всегда ночевать в автобусе, потому что там атмосфера больше располагала к духовной сосредоточенности. Утро всегда начиналось в четыре часа, а вот степень утреннего комфорта зависела от места и сезона.

Мы старались парковаться у водоемов, чтобы по утрам совершать омовение. Иногда это было похоже на рай, когда ты просыпаешься и на восходе окунаешься в теплое озеро у водопада.

Иногда приходилось импровизировать и тайком купаться в фонтанах центрального городского парка.

А в холодное время года это было настоящим испытанием. За ночь в железном автобусе без отопления ты продрог до костей, изо рта идет пар. На улице крошечная тьма и чуть выше нуля. Ты берешь фонарик и в одном тонком куске ткани бежишь километр по лесной тропе к водоему. Запрыгиваешь в ледяную черную воду, пулей выскакиваешь, кое-как вытираешься и бежишь километр обратно. Запрыгиваешь в автобус, натягиваешь на себя все, что есть, и стучишь зубами, повторяя мантру и умоляя солнце взойти побыстрее. С моей инвалидно-

стью, из-за которой я плохо переношу холод, я никак иначе, кроме как чудом, не могу объяснить то, что тело тогда выдержало.

55

Скороварка и наглость миссионера

После утренней мантры было два часа чтения, затем утренняя служба и приготовление еды.

Поскольку в автобусе не было водопровода, быт нужно было свести к минимуму. Мы готовили в парках сразу и завтрак, и обед в одной скороварке, обычно простую кашу из риса и бобов с овощами. Все три года мы в основном ели одно и то же. Хотя иногда устраивали себе и небольшой пир в праздники.

► ВИДЕО

Утренняя программа у резиденции губернатора

<https://teologmak.ru/bio#v9>

► ВИДЕО

Второй день прасад

<https://teologmak.ru/bio#v10>

Позавтракав, мы выходили в город на пять-шесть часов, и погода нас не волновала. В ясные дни мы работали на центральных улицах, а если лил дождь, стучались от двери к двери.

Наша стратегия выросла из той самой ночевки у голых канадцев. У всех, кто на улице проявлял хоть каплю интереса к

книгам, мы брали номер телефона. При этом у мужчин мы буднично интересовались: «Вам удобнее прийти на встречу к нам, или мы придем к вам?»

Почти всегда в первый же день находился парень или мужчина, который говорил: «Ну, можно и ко мне». Мы брали его адрес, обзванивали всех остальных с улицы и приглашали в этот дом. Вечером мы приходили к нему, проводили программу, пели и кормили людей. А когда гости расходились, мы хлопали хозяина по плечу и говорили: «Слушай, уже поздно. Давай мы у тебя прямо на полу переночуем? Заодно завтра вместе встанем на утреннюю службу».

И вы знаете, нам ни разу не отказали. А после такого ночлега этот случайный дом обычно становился нашим временным пристанищем. Мы проводили там ежедневные встречи, а параллельно искали хорошую йога-студию для большой воскресной программы. Отработав неделю в одном городе, мы уезжали в следующий, чтобы через время вернуться и продолжить начатое.

Духовный спецназ и студенты с косяками

Честно говоря, три года жизни в этом автобусе слились для меня в одно сплошное приключение. Я уже путаю названия городов и хронологию, но хорошо запомнил суровые аскезы, безумный график и глубокое счастье. Недавно я списывался с ребятами из той команды. Судьбы у всех сложились по-разному, но каждый признается, что это были лучшие годы нашей жизни.

Кого мы только не встречали. Мы стучались в двери бедных канадских лачуг, где хозяева откладывали в сторону шприц с чем-то запрещенным и выгребали из карманов последние центы на книгу. Звонили в особняки с гаражами на десять спортивных машин (туда нас, правда, пускали редко). В небольших городах мы умудрялись обойти все квартиры и дома, доходя и до приемной мэра. В одном городе мы пару раз останавливались у христианского священника, и было очень интересно наблюдать, как меняется его мировоззрение, причем внутри его собственной веры и служения.

► ВИДЕО

С имперсоналистами хиппи и йогами

<https://teologmak.ru/bio#v11>

В другом городе мы общались с революционно настроенной молодежью, устроившей многомесячный палаточный пикет перед зданием мэрии. Незабываемое ощущение, когда ночью сидишь у газовой горелки в протестной палатке, поешь с десятком бунтарей и пытаешься направить их гнев в другое русло, а

на следующее утро заходишь в приемную мэра, против которого они протестуют, и вручаешь ему философскую книгу.

► ВИДЕО

С протестующими

<https://teologmak.ru/bio#v12>

Часто мы оказывались в центре студенческих тусовок. Помню огромный частный дом, где жило человек двадцать студентов. Мы готовили на кухне ужин и рассказывали о философии паре человек, что нас пригласили, а мимо нас расслабленно ходили другие студенты с дымящимися косяками марихуаны, останавливаясь послушать. Мне было нормально, а вот ребятам из нашей команды, у которых в прошлом были проблемы с вещами, приходилось туго, и потом их пару дней приходилось приводить в чувство. А в соседнем доме гремела студенческая вечеринка с выпивкой, но мы своим пением мантр переманили к себе половину ее гостей.

► ВИДЕО

Программа у студентов

<https://teologmak.ru/bio#v13>

57

Оскверненный суп и квартира наркодилера

Удерживать монашеские стандарты чистоты в таких условиях было очень непросто, потому что люди совсем не понимали

нашей культуры.

Например, как-то раз мы готовили пир на сорок человек в доме одного неформального лидера, который доверил нам свою паству. В еде у нас были свои правила. Ее нельзя было пробовать до освящения и молитвы, и нужно было соблюдать высокие стандарты чистоты. А тут мы на секунду отвлеклись, и хозяин помещения, проходя мимо кастрюли с еще не освященным супом, взял ложку, несколько раз зачерпнул и попробовал, каждый раз отправляя ложку обратно в кастрюлю, а потом протянул ее нам со словами: «Слушай, тебе не кажется, что соли маловато?» Это, конечно, мелочь, но что-то подобное случалось постоянно.

Позже с этой группой мы еще пели имена Бога на иврите, потому что санскрит им был чужд. Я уверен, что совместное прославление имен Бога, которые человек почитает в своей традиции, одухотворяет людей в любой культуре.

Или другой случай. Местная индийская женщина из кожи вон лезла, чтобы устроить для нас праздник, и собрала всю диаспору. Но главным угощением на ужин оказались огромные тарелки с жареными грибами, которые монахам нашей традиции есть не полагается по той же причине, что лук и чеснок. Семьдесят человек сидят вокруг, мы на почетных местах, и все почтительно ждут, пока мы начнем есть. А в индийской культуре отказ от предложенной еды считается сильной обидой. Приходилось проявлять чудеса дипломатии, чтобы не обидеть хозяйку и не нарушить свои принципы.

Но самое веселое начиналось, когда мы вслепую приходили по адресам, оставленным прохожими на улице, чтобы провести там встречу. Проверять квартиры заранее у нас обычно не было времени, и мы приходили туда за полчаса до остальных.

Помню одну гостиную, где стены были исписаны отборным матом, а пол усеян окурками и пивными банками. У нас был ровно час, чтобы отмыть этот притон до прихода гостей.

В другую квартиру мы зашли за пятнадцать минут до начала программы, и выяснилось, что все стены там от пола до потолка увешаны порнографическими плакатами, так что нам, монахам, пришлось срывать их, пока не пришли гости.

► ВИДЕО

Тусовка с монахами

<https://teologmak.ru/bio#v14>

А однажды мы нашли, казалось бы, совершенно чистую, приличную квартиру, хорошо подходящую для встреч с людьми среднего класса. В комнате идет программа, мы обсуждаем философию и чистый образ жизни. Я стою в коридоре рядом с хозяином, мы мило беседуем. Вдруг в квартиру заходит человек, хозяин отворачивается, достает из кладовой и буднично, прямо у меня на глазах, продает ему большой пакет марихуаны. Оказалось, что это была перевалочная база оптовой торговли травкой. Я стоял и думал: «Только бы это не был полицейский под прикрытием, иначе мы сейчас всем автобусом сядем как соучастники».

58

Девушка под ливнем

Я рассказываю все это, чтобы вы поняли, в каком напряжении мы жили. Со стороны это звучит весело, но тогда было не до

смеха, и без строгой дисциплины выдержать такие условия было бы вряд ли возможно. Правило было простым. Во сколько бы мы ни легли, подъем всегда в четыре утра, всегда молитва и утренняя программа, всегда чтение священных писаний не меньше двух часов, всегда выход в город на проповедь. Если кто-то начинал давать слабину, у него просто не оставалось сил на этот график, и он тут же получал отрезвляющую обратную связь от команды.

Еще иногда судьба выстраивала необычные цепочки.

Мы приехали в крошечный город проездом на один день. Шел проливной дождь. Я был вымотан и совсем не хотел выходить из автобуса, ведь на улице ни души, да и книги намокнут. Но Джеф вытолкал меня.

Пару часов мы мокли в пустом центре города. В редкие минуты затишья мимо пробегали люди. Я остановил двух девушек, они послушали, сказали обычную фразу, которую часто из вежливости говорили люди, которым было неинтересно: «у нас нет денег, мы потом вернемся», — и убежали.

Спустя пару часов мы свернулись. Я оставил книги в автобусе и зашел в местный торговый центр в туалет. Когда я ехал на эскалаторе вверх, эти девушки ехали вниз. Я отвернулся, сделал вид, что не заметил их, и быстрым шагом, поскольку меня ждали остальные, пошел к стоянке, слушая в наушниках лекцию.

Вдруг слышу цокот каблучков по лужам. Одна из девушек, запыхавшись, догоняет меня, хватая за плечо и кричит: «Стой!» Оказалось, она нашла деньги и очень хотела книгу, пробежав за мной практически километр. Но книг у меня с собой уже не было, а ей надо было спешить на вокзал уезжать к себе домой в маленький городок где-то в глуши. Мы договорились, что я отправлю ей книгу почтой.

Так и сделали. Она прислала письмо с благодарностью. Полгода спустя один наш монах совершал пеший ход через всю Канаду.

► ВИДЕО

Прогулка через Канаду

<https://teologmak.ru/bio#v15>

И я переслал ей письмо о том, что он будет проходить мимо их мест. Вдохновившись, эта девушка из таежной глуши стала главным организатором его встреч с местными жителями в ряде городов. А потом переехала в Торонто и ушла в женский монастырь. Неисповедимы пути Господни.

59

Вкус, который меняет все

За три года в каждом городе, через который мы проезжали, остались небольшие клубы ребят, повторяющих мантры и изучающих философию. К сожалению, когда наш автобус прекратил поездки и поддержка исчезла, многие не смогли удержать этот уровень.

Но те годы стали для меня одновременно большим благословением и проклятием. Они дали мне такой чистый, пронзительный вкус жизни, что с тех пор я просто не могу заниматься ничем фальшивым. Мне нужна интенсивность духовной практики, в какой бы то ни было форме, и именно этот голод по живому делу, меняющему судьбы, до сих пор остается моим главным стимулом в служении.

Когда я публиковал эти главы в интернете, мне как-то написали: «Как жаль, что я пришел к вере уже семейным человеком. Таких приключений у меня уже не будет». Это правда, таких не будет. И у меня именно таких тоже больше не будет. Но в служении Богу есть место для каждого, в любых жизненных обстоятельствах.

Я написал все это не для того, чтобы вызвать ностальгию, а чтобы передать вам этот вкус. Потому что именно он способен вырвать нас из унылой колеи, когда мы понимаем, что живем не так, как должны, а сил все изменить не хватает. Правда, как я понимаю теперь, во вкусе нашей автобусной жизни было две составляющие, обыденная привязанность ума ко всему новому и настоящий духовный вкус.

60

Ловушка зоны комфорта и полет в пике

Мы без остановки колесили на автобусе, раздавали книги и строили общины с нуля. Жизнь казалась одним большим приключением, и мне верилось, что так будет продолжаться вечность.

Ага, как бы не так.

В какой-то момент наша команда, устав от кочевой жизни, приехала в монреальский храм. План был пожить там месяц, выдохнуть и побыть в атмосфере спокойной храмовой жизни. Нормальные кровати, утренние службы без ледяных купаний, хорошая еда, спокойные выходы в город на пару часов в день. Все как у нормальных монахов.

Но лично мое сердце рвалось обратно в автобус, а у остальных ребят в глазах постепенно гас огонь. Мы входили в зону комфорта, из которой потом так сложно выбраться. Я смотрел на своих товарищей и начал внутренне их критиковать, мол, обмякли, расслабились.

В итоге гордыня и осуждение взяли верх, и я решил съездить на проповедь один. Уговорив лидера отпустить меня, я, чувствуя себя чуть ли не героем-первопроходцем, взял коробку книг, сел на рейсовый автобус и отправился в соседний город, где мог остановиться у одного студента.

Сначала все шло как обычно, утром мантра, днем проповедь, вечером встреча. Но в один из вечеров встреча сорвалась, и я остался один в чужой квартире. И вдруг меня накрыло. Не знаю, что это была за волна, но на меня обрушилась глухая тоска и чувство полного одиночества.

Обстоятельства сложились определенным образом, и итогом этого вечера стало то, что я нарушил один из четырех главных обетов, которые давал при посвящении.

Ох, и приземлило же меня тогда. Ощущение было такое, будто ты летел в небе на красивом лайнере, вдруг у него отвалились двигатели, и ты в пике носом воткнулся в асфальт. При чем лайнером был я сам.

У меня тут же пропали силы и на практику, и на служение, и вообще на жизнь. Только тогда я понял природу духовной энергии. Когда она с тобой, ты ее даже не замечаешь и думаешь, какой ты молодец и как у тебя все получается. Но стоит ей уйти, и жизнь, которая вчера казалась легким танцем, превращается в тяжелое бремя. В общем, если у нас есть силы на служение, это заслуга Бога, а наша заслуга лишь в том, что мы позволили этой силе действовать через нас.

Раскол в команде и война амбиций

Я сутки провалялся на диване, глядя в потолок, и, побитый как собака, вернулся в храм. Я честно во всем признался своему духовному учителю и нашему лидеру Нитай Раму. Учитель ответил коротко: «Не расстраивайся. Вставай и иди дальше».

Эти слова я потом повторял многим и до сих пор повторяю себе. Самое опасное в падении не само падение, а то, что происходит после. Мы решаем, что теперь все испорчено и Бог от нас отвернулся, и на этом основании ложимся и не встаем. Но это не смирение, а гордыня наизнанку, потому что мы считаем свой грех сильнее Божьей любви. Бог смотрит не на то, упал ты или нет, а на то, куда ты смотришь после падения. Тот, кто встал и пошел дальше, идет. А тот, кто лежит и казнит себя, стоит на месте, даже если казнит себя очень благочестиво.

Лидер тоже постарался меня поддержать, но на следующий день принял решение, которое стало для нашей команды роковым. Он объявил, что мы сворачиваем автобусную программу.

С его точки зрения, агрессивная среда, в которой мы жили на колесах, стала слишком опасной, и мое падение оказалось последней каплей. Напомню, что больше десяти лет он создавал в Канаде единственную монашескую общину, и теперь его главной задачей было сохранить это ядро. Он думал, что у него получится это лучше в безопасных храмовых стенах. А я был уверен, что только такая жизнь и держала нас на плаву.

Но открыто бунтовать я не мог, потому что меня мучила совесть от нарушения обета. Хотя я всей душой верил в то, чем мы занимались. Мы потратили столько сил, вложились в лю-

дей, а теперь просто бросим их? Без поддержки они не смогут глубже погрузиться в практику.

Мы с лидером оба искренне хотели служить Богу, но у нас были совершенно разные взгляды на то, как это делать.

Если раньше я был в основном двигателем команды, то теперь превратился в тормоз. Я сопротивлялся его решениям, он пытался меня одергивать, и напряжение росло. В моих глазах он стал человеком, который губит большое дело ради комфорта, а в его глазах я превратился в бунтаря, разрушающего с трудом созданную группу монахов. Удивительно, как искреннее служение, если к нему примешивается самолюбие, способно развести двух некогда близких людей по разные стороны баррикад.

62

Конкуренция во имя Бога

Спустя два месяца конфликт перешел в открытую фазу. Все, что я делал, раздражало лидера, а я из принципа начал жить по своему графику, не обращая внимания на общие правила.

Например, наступил священный месяц дополнительных обетов. Я, ни с кем не посоветовавшись, решил повторять по шестьдесят четыре круга мантры в день (круг означает сто восемь повторений на четках, и шестьдесят четыре круга занимают около восьми часов). Лидер возмутился, потому что, по его мнению, я собирался делать это в ущерб общим обязанностям по храму, и запретил мне этот обет.

Мое задетое эго подумало: «Ах так? Ну посмотрим».

Я решил спать по четыре часа в сутки, чтобы успевать повторить основную часть мантры еще до общего подъема, ведь запретить мне не спать по ночам он не мог. А чтобы окончательно всем все доказать, я выходил в город раньше всех, возвращался позже всех, а по вечерам еще и ездил по домашним встречам с проповедью.

Тогда я, разумеется, не понимал, что это обычная гордыня. Я считал себя непризнанным героем и не понимал, что если ты находишься в конфликте и при этом на сто процентов уверен в своей праведности или хотя бы правоте, даже если ты действительно прав, это верный признак того, что тобой управляет самолюбие.

В конце концов лидер не выдержал. Он вызвал меня и отчитал так, как меня не отчитывали никогда в жизни, обвинив в том, что я подрываю единство команды и разрушаю дисциплину. Я сильно обиделся, но понял, что старую жизнь уже не вернуть и мне здесь больше делать нечего.

Впереди был декабрьский марафон по раздаче книг. Мы договорились с лидером о мирном расставании. Я перестал быть частью их команды, переселился в другую часть храма и получил право забрать пожертвования, собранные за декабрь, на билет в другую страну.

Но я был уязвлен и решил напоследок бросить лидеру негласный вызов. Я устроил соревнование, кто раздаст больше книг за декабрь, их команда опытных монахов-проповедников или обычные прихожане храма без опыта проповеди, которые могли выходить с книгами лишь по вечерам после работы, но которых я взял под свое крыло.

Я заразил прихожан таким фанатичным энтузиазмом, что в итоге мой «храмовый отряд» обогнал команду монахов. Более того, в тот месяц мы поставили рекорд храма по распростране-

нию книг за последние двадцать лет. Интересно, как большие внешние результаты могут достигаться на топливе из обычной гордыни, обиды и желания утереть нос оппоненту.

63

Развал и мнимое возмездие

В первых числах января я подал документы на канадское гражданство, купил билет и улетел из Канады. Таких странствующих команд, как наша, в то время больше не было ни в Канаде, ни в США, так что моя автобусная эпопея закончилась. Я полетел к своему учителю, чтобы он решил мою дальнейшую судьбу.

Но эта история имела продолжение.

Спустя три месяца после моего отъезда команда, которую так отчаянно пытался сохранить лидер, полностью распалась. У всех монахов вдруг возникли «непреодолимые обстоятельства», и они разъехались.

Самая драматичная перемена произошла с самим Нитай Рамом. Он готовился принять пожизненный монашеский обет, но внезапно передумал, решил жениться и даже объявил о помолвке. А вскоре после этого у него заболела челюсть.

Казалось бы, мелочь. Но челюсть болела так, что никакие обезболивающие не помогали. Следующие полтора года он спал урывками, не мог говорить и даже не мог повторять мантру про себя, потому что при этом шевелились мышцы лица. Питался он только жидкой пищей через трубочку. Помолвка расстроилась. Жить в храме с таким недугом и дорогим лечением у него тоже не получалось, и ему пришлось переехать к

пожилым родителям, которые всегда были против его духовного пути и теперь с сожалением говорили: «Ну вот, допрыгался, а надо было о будущем думать».

Только спустя полтора года мучений ему смог помочь лучший хирург-стоматолог Канады (случай был настолько редким, что на него собрали целый симпозиум, на котором тот обучал других врачей). Вылечившись, он вернулся в храм в Ванкувере, где и живет до сих пор, холостым, но уже не монахом.

Когда я впервые услышал эту историю в Индии, то, конечно, формально ему посочувствовал. Но внутри мое самолюбие ехидно потирало руки, мол, это Бог его наказал за то, что он свернул нашу программу, значит, я был прав.

Господи, какая же это была непроходимая глупость...

64

Анатомия конфликта, Божий план и наше эго

Мое отношение к распаду нашей команды и болезни лидера начало меняться только спустя три года, когда он написал мне письмо с извинениями. И даже тогда мое самолюбие торжествовало, мол, признал свою вину.

Мне понадобились годы, чтобы снять шоры и честно посмотреть на ту ситуацию. И вот к каким выводам я пришел.

Первое, план Бога. Мы рассуждали, правильно ли было закрывать ту программу, но забывали о планах Господа. Когда недавно мы списывались с участниками той команды, все сошлись на том, что эта программа была нужна прежде всего нам самим.

От общин, которые мы так старательно строили, почти ничего не осталось, практику продолжили единицы. С точки зрения сухой статистики программы как не бывало. Да, люди получили зерна веры, которые когда-нибудь прорастут. Но для нас самих этот автобус был большой школой очищения сердца. Как только мы получили нужные уроки, нас просто раскидали по другим местам, чтобы мы шли дальше. Если бы не этот развал, я бы, например, никогда не стал заниматься тем, чем занимаюсь сейчас в России.

Второе, как самолюбие подменяет служение. Это незаметная ловушка. Искренне желая послужить, мы так привязываемся к форме нашего служения, что вытесняем из нее саму суть. То, ради чего все делается. Тогда наше самолюбие срастается с делом, желание порадовать Бога тоже незаметно подменяется желанием исполнить свой гениальный план.

В той ситуации я намертво отождествил себя с ролью «странствующего проповедника», а наш лидер себя с ролью «хранителя монашеского ордена». И когда другой человек начинает мешать твоему плану, ты начинаешь воспринимать его как врага. И вот уже два искренних человека готовы растерзать друг друга во имя Господа. В таком конфликте амбиций правых нет. Неважно, кто из нас был логически прав, мы оба просто соревновались, у кого крепче самолюбие.

Третье, кризис как проявление заботы. Когда я узнал о болезни нашего лидера, я по глупости считал себя победителем. Но все было ровно наоборот. Видя его большую зрелость, Господь дал ему суровый процесс очищения от червоточин эго, который тот смог выдержать, не потеряв веру. Я встретил его через шесть лет в Индии, где мы две недели жили в соседних комнатах, и от его былой жесткости и самолюбия не осталось и следа. Удивительно было видеть человека, которого будто пе-

реплавляли и очистили от примесей. А меня такому процессу подвергать не стали, потому что я просто был к нему не готов и сломался бы. Так что кризис этот был не наказанием, но заботой, соразмерной тому, что человек способен выдержать.

Четвертое, бремя лидерства. Только когда ты сам начинаешь за что-то отвечать, ты понимаешь, какое давление испытывают те, кого ты вчера так радостно критиковал. Руководство — это ведь не погоны, а скорее тяжелая школа, через которую жизнь очищает твое сердце. Руководитель может ошибаться и принимать абсурдные решения (хотя очень часто, когда мы считаем лидера неправым, неправы мы сами). Он может даже пасть жертвой собственных страстей. Но если ты в этот момент думаешь, что ты лучше него, ты совершаешь большую ошибку. Знаете, как в видеоиграх? Ты легко проходишь свой уровень на легкой сложности, а он ошибается, потому что играет на сложной. И я не говорю о том, что ошибки руководителя нужно замалчивать. Их можно и нужно исправлять, иногда строго, и для этого в любой общине есть свои способы. Я говорю о внутреннем озлоблении, когда ты начинаешь видеть в старшем врага.

65

Эпилог канадской истории

Вы, наверное, спросите, как сложилась судьба остальных ребят из нашего автобуса спустя много лет.

Обо мне вы отчасти знаете.

Наш лидер Нитай Рам прошел свою переплавку, вернулся в строй, и я не удивлюсь, если ему скоро доверят руководство

всем нашим движением в Канаде. Видно, что его готовят к большим делам.

Каруна Синдху по-прежнему монах и живет в храме.

Мой напарник Джеф, с которым мы соревновались в аскетизме, счастливо женился, живет на ферме и выращивает овощи.

Йогендра тоже женился, работает школьным учителем, развивает общину и занимается образованием детей в Северной Америке.

Дхрува женился, долго служил в храме, а сейчас переехал в провинцию, чтобы поднимать общину там.

Но были и другие судьбы. Четверо ребят полностью отошли от практики. Один просто исчез однажды утром, и никто не знает, где он теперь. Еще один продолжает практиковать, но его взгляды сильно изменились.

Еще один искренний парень однажды все бросил и ушел. Судьба его помотала. Он сидел на тяжелых наркотиках, слез с них, работал вышибалой в стриптиз-клубе, потом копал могилы на кладбище, потом водил мусоровоз...

А последний парень, который так же, как и я, болел странствиями, так и не смог найти себе места после развала команды. Искал разные формы, мыкался, а сейчас колесит по Франции на мотоцикле с неформальной группой байкеров. Они проповедуют ту же философию, но... скажем так, не очень утруждают себя следованием правилам чистой и праведной жизни.

Интересный все-таки режиссер эта жизнь...

Впрочем, когда я смотрю на эти судьбы, мне важно не сделать вывод, который напрашивается сам собой. Тот, кто ушел из общины, не ушел от Бога. Отношения с Богом не кончаются на пороге храма, и Он ведет человека дальше другими дорогами, о

которых мы ничего не знаем. Мы видим только, что человек «отошел от практики», а Бог видит всю дорогу целиком. Поэтому я стараюсь не ставить крест ни на ком, в том числе на себе в свои худшие дни. Ведь ничья история его отношений с Богом еще не дописана.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Возвращение в Россию

Главы 66–80

Зияющая дыра и тоска по Богу

В предыдущих главах я описывал множество событий, порой тяжелых, иногда безумных, но в них всегда была жизнь и внутренний вкус, который перебивал любые аскезы. Мне бывало грустно, бывало больно, но скучно не было никогда.

А теперь, когда наша программа закрылась, у меня внутри образовалась зияющая дыра, и все вокруг стало пресным. В таком состоянии даже раздача духовных книг превратилась для меня в механическую работу.

Если в жизни нет живого присутствия Бога, эта жизнь пуста, какой бы благополучной она ни казалась снаружи. И я говорю не только о деньгах, здоровье или хорошей семье. Даже много общения с духовными учителями, праздники и обилие времени на молитву не наполняют жизнь, если в них нет Его живого присутствия. Нам кажется, что если бы у нас было то, чего нам не хватает, мы стали бы счастливы. Но все это может у тебя быть, а ты все равно будешь страдать, как богач, который тонет в депрессии посреди золотого дворца. Все дело в умении держать внутренний контакт с Богом, потому что только Он способен превратить любую рутину в незабываемый опыт. И лучше всего этому помогает погружение в служение Его делу.

Из-за этой пресности у меня в голове постоянно крутился вопрос, где этот вкус, почему он ушел и как его вернуть. Тогда мне не хватало зрелости, чтобы сформулировать честнее: «Господи, где Ты? Почему я больше не чувствую Тебя? Пожалуйста, вернись». Уверен, что при такой формулировке во внешнем

мире все прошло бы точно так же, но мое внутреннее отношение к этому кризису было бы совсем другим.

67

Город, в котором меня нет

На эту потерю вкуса наложилось гнетущее ощущение одиночества.

До прихода к духовной практике из моей жизни так или иначе ушли все, кто был мне дорог. Затем я обрел сибирскую общину, полюбил этих людей, а через четыре месяца мне пришлось их оставить и уехать в Канаду. Потом был одинокий год в холодном монреальском храме. Затем годы жизни бок о бок с товарищами в автобусе. Но и там мы постоянно знакомились с прекрасными людьми в новых городах, а потом, скрепя сердце, оставляли их и ехали дальше, зная, что уже не вернемся.

И вот теперь мне снова предстояло оставить все позади, все отношения, закаленные в автобусных приключениях. У меня остались только ноутбук, паспорт, немного денег и два комплекта одежды. Куда жизнь меня поведет дальше, я понятия не имел.

В России я знал только пару человек из старой новосибирской общины и своего духовного учителя, больше никого. И я решил сделать крюк и заглянуть в родной Новосибирск. Ум цеплялся за соломинку, может быть, мне остаться здесь, в родных краях, где все такое близкое и знакомое?

Но, бродя по улицам своего детства, я не чувствовал ровным счетом ничего. Это был чужой город. Я с удивлением понял, что почти не помню свою жизнь до духовной практики, ни

школу, ни университет, ни прошлых друзей, будто это было в прошлой жизни. В местной общине состав тоже сменился так, что на воскресной программе я почти никого не узнал, и больше не чувствовал себя там как дома.

Я прожил месяц в Академгородке у старых знакомых, но внутренняя пустота никуда не уходила. Движимый желанием сбежать от нее, я сел в самолет и улетел в индийский Маяпур.

68

Маяпурские курсы и организационная слепота

В Маяпуре тоска на какое-то время утихла. Как я уже говорил, из-за слабого здоровья Индия дается мне тяжело, но сам Маяпур я люблю. Это то место на Земле, где мне, просто когда я иду по улице, хочется петь молитвы во славу Господа.

До приезда туда моего учителя оставался месяц. Я решил не терять времени даром и записался на несколько курсов, в том числе на курс подготовки преподавателей. Честно говоря, я пошел туда с мыслью, что авось пригодится, но этот шаг определил мою жизнь на несколько лет вперед.

Так случилось, что в тот год на этих курсах учились не простые студенты вроде меня, а руководители крупных храмов и региональные лидеры со всего мира, которые потом должны были преподавать эти курсы в своих странах. Общение с ними полностью перевернуло мое отношение к «бюрократии» нашего движения.

До этого я считал, что есть главное, то есть Бог, проповедь, духовность, а есть второстепенная организационная шелуха, которая просто помогает этим главным заниматься.

Я вспомнил, как перед отъездом из Канады местный руководитель прямо сказал мне: «Вообще-то, не ты и не твой учитель должны решать, где тебе жить, а я». В первые годы нашего движения на Западе так и было, и человек без разрешения местного руководителя не мог переехать в другой город. Современному человеку это дико слышать, и он сразу подумает, что это какая-то секта. Я и сам сейчас никого не стал бы к такому призывать. Но тогда за этим стояло большое доверие, потому что работа, климат и комфорт считались вторичными по отношению к общему делу, а готовность прислушиваться к несовершенным руководителям была для людей частью доверия Богу. А как я отреагировал тогда, в Канаде, на слова руководителя? Я мысленно фыркнул, мол, я что, ради вас пришел к Богу, чтобы вы мне указывали, и отмахнулся. Сейчас я поступил бы иначе. Я не стал бы ни отмахиваться, ни слепо подчиняться, а попросил бы этого руководителя и своего учителя решить мой вопрос вместе.

В следующих главах я буду много говорить о своем опыте внутри религиозной организации, поэтому здесь придется сделать небольшое отступление.

Важно разделять внешнюю форму религиозной организации и ее внутренний смысл. Для любого общего дела нужна организация, будь то приход, монастырь или община любой традиции, а значит, нужны и правила, и ответственные, и иерархия. Верующему легко поддаться соблазну чистого индивидуализма, когда кажется, что есть только я и Бог, но тогда граница между Божьей волей и собственным своеобразием почти стирается, и личный комфорт легко принять за «особый внутренний путь». Община похожа на сосуд. Без берегов вдохновение растекается и испаряется при первой перемене настроения, а форма позволяет усилиям многих людей сложиться в дело, которое живет

десятилетиями. Любить абстрактного Бога легко, а соотносить свои желания с несовершенными людьми и правилами, которых ты не выбирал, трудно, но именно так на деле учатся смирению. Послушание общему делу не означает обожествления начальников и не отменяет собственного права, а иногда и обязанности, говорить, когда что-то идет не так. И риск здесь есть всегда, потому что форма, забывшая о своем назначении, становится мертвой системой, но тот, кто выбрасывает сосуд, рас-плескивает и воду.

69

Куда мне ехать дальше?

Ближе к весне в Маяпур приехал мой учитель.

Если пару лет назад, когда я был канадским послушником, на вопрос, где мне быть, он ответил «в Канаде», то теперь он смеялся: «Что ты там вообще забыл? Тебе давно пора уезжать оттуда».

Тогда я думал, что изменилось мнение учителя, а теперь думаю, что изменился я. Бог, как и мудрый наставник, отвечает не на слова, а на то, с чем мы приходим. Пока я спрашивал со страхом о своем будущем без второго гражданства, меня оставляли там, где мне было безопасно, потому что большего я бы не вынес. Когда страх ушел, меня послали туда, где я был нужен. Поэтому, если нам кажется, что Бог не отвечает или отвечает не то, стоит посмотреть не на вопрос, а на себя. Часто Он ждет не другого вопроса, а другого человека, который его задаст.

Но куда мне следовало ехать? Сначала он предложил мне остаться жить в Индии. Я сказал, что боюсь, мое здоровье не

выдержит постоянной жизни в индийском климате со всеми его радостями в виде бактерий и лихорадок.

Он не стал настаивать. — Хорошо, — сказал он. — Тогда возвращайся в Россию.

План был такой, что меня направят в одну из наших главных духовных школ. Но туда по разным обстоятельствам я мог поехать только через полгода, а до тех пор мне предстояло пожить в московском ашраме, то есть монашеском общежитии при храме, помогая бывшему ректору этой школы.

Так закончились мои зарубежные приключения, и началась очередная российская глава моей жизни.

70

Из канадских прерий в московские ашрамы

Я был окрылен, потому что у меня появилось дело, одобренное учителем и по-настоящему ценное для него, то есть духовное образование. Я даже не стал задерживаться в Индии на праздники и через пару дней вылетел в Москву.

Контраст с Канадой, конечно, был замечен. Там на всю страну было восемь монахов-вайшнавов, а здесь в одной только столице кипела жизнь в трех ашрамах, по тридцать-сорок человек в каждом. Настоящее раздолье.

Правда, пришлось и перестраиваться. Началось с того, что духовный лидер ашрама перепутал меня с кем-то другим и еще до нашего знакомства рассказал всему руководству, что я человек, мягко говоря, с большими изъятиями. Позже это недоразумение прояснилось, но осадок остался. Однако корень про-

блемы лежал глубже, потому что здесь столкнулись две разные культуры.

В Канаде я, зеленый новичок, мог спокойно сидеть за завтраком со старейшими вайшнавами и даже спорить с ними, дистанция была минимальной. В России же разделение по стажу практики было выражено гораздо строже. У обеих систем есть свои минусы. Демократичность может породить у младших фамильярность, а строгая вертикаль может взрастить в старших высокомерие.

Я, пропитанный канадским вольнодумством, попал в новую реальность, где в ашрамах было негласное деление на «сословия», разные места для еды, разные круги общения. Меня это сильно раздражало. Мне казалось, что эта система развращает старших, делая их гордецами, поэтому я, несмотря на определенный опыт, решил общаться и все делать вместе с новичками.

А старшие, глядя на мое независимое поведение, естественно, приходили к выводу, что главный гордец здесь я, и из заботы начинали «учить меня смирению». Время от времени ко мне подходил какой-нибудь монах, с которым мы даже не были знакомы, и на правах старшего говорил: «Ты несмиранный». Или: «Ты как-то несмирненно мантру читаешь, надо по-другому».

71

Как отличить повод от причины

Особенно долго этот тихий конфликт тлел у меня с тем самым духовным лидером ашрама. Он очень ценит смирение, поэтому

в воспитательных целях время от времени обрушивался на меня со всей своей тяжелой артиллерией. А обрушиваться он умеет, поверьте.

В какой-то момент меня это так возмутило, что я всерьез собирался написать ему письмо с советом: «Вам не в монахах надо сидеть, а жениться, чтобы сердце хоть немного размягчилось». Спасибо друзьям, которые вовремя выслушали меня и отговорили от этой ядовитой глупости.

С тех пор прошло много лет, наш конфликт исчерпан, и отношения с ним сильно изменились. Расскажу, как менялось мое собственное восприятие. Я сделал три важных вывода.

Во-первых, я понял смысл иерархии. То разделение по стажу, которое раньше казалось мне проявлением гордыни, на самом деле нужно большой организации как защитный механизм. Мне оно по-прежнему не близко, но теперь я понимаю и другую сторону медали.

Во-вторых, я научился смотреть на суть, а не на форму, и увидел этого лидера с другой стороны, в его благоговейном отношении к алтарю и глубоком погружении в молитву. Рядом с ним чувствуешь, что перед тобой человек с таким духовным вкусом, до которого тебе еще расти и расти. Я также видел, как он, несмотря на свой сан, в свободное время ездит к малоимущим пожилым прихожанам и своими руками делает им ремонт, потому что «людям нужно служить». На фоне такого живого, деятельного служения Богу культурные разногласия стали для меня незначительными.

В-третьих, я признал, что он был прав. Я до сих пор могу не соглашаться с конкретными поводами, за которые он меня ругал, но это не имеет значения, потому что я действительно был заражен гордыней. И это неудивительно, ведь всего пару меся-

цев назад в Канаде я устроил рекордный марафон по раздаче книг только ради того, чтобы утереть нос бывшему напарнику.

Более того, я верю, что Бог часто говорит с нами через людей, которые рядом, особенно через старших. Старший может придраться к тебе по пустяку или в чем-то ошибиться, но нужно уметь отделять повод от причины. Повод может быть несправедливым, но причина, то есть твой реальный изъян, часто настоящая.

Когда я начал это понимать, наши отношения быстро наладились, хотя внешне ни он, ни его методы не изменились. Потом этот опыт повторялся у меня еще не раз. Как только меняется твое внутреннее отношение к ситуации, конфликт удивительным образом превращается в сотрудничество или хотя бы уходит, потому что Господь видит, что урок усвоен, и не требует проходить его заново.

72

Синдром спасителя и учебник за месяц

Но вернемся к временам моего первого московского ашрама.

Как я уже говорил, мне было комфортнее общаться с новичками. С ребятами, которые только-только переступили порог храма, мы стирали белье, мыли полы, чистили овощи на кухне. Дело полезное, но мне чего-то не хватало. Я ведь приехал оттуда, где мы поднимали общины с нуля и жили в режиме духовного спецназа, а здесь я каждый день чистил морковь.

С раздачей книг тоже не заладилось. Если в Канаде я раздавал по сотне книг в день, то здесь мой канадский стиль разбился о другой менталитет, и мой потолок упал до трех книг. И

дело было даже не в цифрах, мне стало тяжело этим заниматься. Люди на улице проходили мимо, и каждый их отказ с гримасой, в которой читалось отношение к тебе как к странному сектанту, отзывался внутри болезненным уколом.

Так что со временем я решил сосредоточиться на том, ради чего меня сюда прислали, то есть на помощи бывшему ректору нашей школы.

Мой учитель поручил ему продумать концепцию развития движения по шести разным направлениям, среди которых были образование, связь с общественностью, развитие общин и другие. Нужно было собрать воедино проекты и предложить их региону. Для меня это стало интересной ломкой шаблонов. Ректор мыслил масштабами создания своих социальных сетей и всероссийских проектов, а я, привыкший мыслить локально, любую его задачу тут же переводил на свой язык, мол, давайте откроем маленький центр и будем втроем приглашать туда людей с улицы. Чувствуете разницу масштабов?

Поскольку на первых порах толку от меня было мало, я был на подхвате, монтировал ролики, редактировал тексты и так далее. Нас, помощников, было трое, и все так или иначе были связаны с образованием, поэтому акцент мы решили сделать на нем. У ректора была идея создать новый вводный курс для новичков, который мягко подводил бы их к серьезной практике. Курс нужно было подготовить к заседанию образовательного комитета, до которого оставался ровно месяц.

И тут во мне проснулся мой любимый режим фанатика. Я отключился от всего остального мира, нашел себе каморку в три квадратных метра где-то в полуподвале и поселился в ней, чтобы меня никто не трогал. Мантру я повторял, но пропускал все утренние службы и храмовые программы. В душ ходил раз в несколько дней. Спал по четыре часа в сутки, подстраиваясь

под приливы вдохновения. То ложился в восемь вечера и вставал в час ночи, то спал с трех часов дня до семи вечера.

Это был совершенно асоциальный график, и одному из старших мое поведение явно не нравилось. Он даже посвятил целую лекцию «непотребству, которое тут некоторые устроили». Я был с ним полностью согласен, но не мог остановиться, потому что впервые с тех пор, как «сошел с автобуса», снова почувствовал ту самую плотность и насыщенность жизни.

Моим напарникам тоже досталось, потому что я требовал от них такой же вовлеченности и искренне возмущался, когда им хотелось вечером просто побыть вместе в алтарной. Я думал: «Какое богослужение, у нас тут Великое Дело горит!» Огонек энтузиазма прекрасен, плохо то, что к нему примешался откровенный синдром «миссионера-спасителя». Но так или иначе мы успели за месяц написать курс и учебник на 250 страниц. Это было мое первое большое творение в образовании.

Но этот учебник никто никогда не увидел. Потому что он не пережил заседания образовательного комитета.

73

Небожители, бессмысленные собрания и пробка от шампанского

Заседания комитета шли пять или шесть дней. Туда съехались люди, перед которыми невозможно не испытывать трепетного уважения, настоящие мастодонты духовного образования с огромным опытом. И на эти встречи позвали меня.

Я шел туда с замиранием сердца, ожидая увидеть, как рождаются глубокие обсуждения, прорывные педагогические ре-

шения и ясные планы на десятилетия вперед.

Вместо этого я впервые в жизни узнал, что такое «советы». Это то удивительное явление, когда самые мудрые люди собираются вместе, а результат их работы равен нулю, и вместо синергии получается обратный эффект. За пять дней жарких дискуссий комитет не решил ничего.

Почему так происходит? С одной стороны, проявлять веру сообща гораздо сложнее, и чаще всего мы умеем быть духовными поодиночке. С другой, способность хорошо проводить собрания напрямую не связана с уровнем святости, это просто обычный житейский навык. В общем, и духовные, и материальные причины объединяются, приводя к такому результату.

Но для меня тогда это стало испытанием. У меня-то как раз навыки организации времени и проведения собраний развиты хорошо, и эти хаотичные заседания выбивали меня из колеи. Мой ум кипел, ведь они же мудрые люди, почему они не могут контролировать ум и не уходить от темы, почему перебивают друг друга, где уважение к чужому мнению?

Чувствуете снобизм? Моя логика строилась так. Эти люди явно превосходят меня в преданности Богу, но ведут себя на совещании хуже, чем я, а значит, в чем-то я все-таки лучше них.

Мне понадобились годы, чтобы отучиться смотреть на старших через призму собственных талантов. Мы часто путаем хорошие качества характера с духовностью. Если один человек от природы, допустим, пунктуален, а другой опаздывает, первый начинает возмущаться, мол, он меня не уважает, не ценит нашу миссию и отведенное ему Господом время, какой же он духовный. Но пунктуальность первого просто свойство его психики, а не следствие великой веры. И тот, кто от природы несобран, но ради Бога пытается прийти вовремя и опаздывает на десять

минут вместо тридцати, совершает гораздо больший духовный подвиг, чем пунктуальный педант.

Вообще, в первые лет десять практики все наши хорошие качества обычно лишь врожденные свойства характера. Но мы кичимся ими, накидываем на них флер святости и втайне смотрим свысока на тех, у кого их нет. Но правильнее научиться отделить свои природные таланты от преданности Богу. И если ты умеешь хорошо проводить собрания, не осуждай старших за хаос, а из любви и уважения к их вере просто предложи им свой талант в служение. Возьми ведение собрания на себя.

Впрочем, один результат у тех заседаний все же был. Один из участников комитета убил мой 250-страничный труд одной фразой.

Он сказал: «Образование не должно подменять собой священные книги».

И он был прав. Люди часто начинают читать понятные учебники вместо сложных первоисточников. Это понятное стремление, но учебник должен углублять понимание первоисточника, а не заменять его, а мой курс был именно авторским пересказом философии своими словами.

Так что комитет решил учебник забраковать, концепцию переделать с нуля с учетом новых вводных, а меня все же официально включить в состав комитета по образованию.

Мой учитель ожидал, что я, будучи моложе и свободнее остальных, стану «моторчиком» этого комитета, буду инициировать встречи и координировать процессы. Но я тогда спрятался за ложное смирение, мол, как я, зеленый юнец, могу указывать уважаемым старцам. Вместо того чтобы взять на себя инициативу, чего от меня и ждали, я занял пассивную позицию исполнителя.

А еще через месяц я женился, ненадолго выпав из комитетской работы вообще. Впрочем, Господь быстро меня туда вернул, но об этом позже.

Так всего за полгода жизнь превратила меня из монаха, странствующего по Канаде, в семейного человека в составе всероссийского комитета по вайшнавскому образованию. Внешне это выглядит как цепь случайностей. Но не так часто человека выбивает, как пробку из бутылки шампанского, с одного континента и перебрасывает через полмира, чтобы вручить ему служение, к которому он совсем не готов. Когда смотришь на это спустя годы, перестаешь верить в случайности и видишь образовательный план Бога, который ведет тебя именно через тот опыт, который нужен, чтобы твое сердце вернулось домой, к Нему.

74

Одиночество в толпе и симптомы выгорания

Выше я написал, что в тот момент женился, и здесь нужно пояснение. Надевая шафрановые монашеские одежды, я был уверен, что это навсегда. Тем не менее эта перемена в моей жизни произошла, причем очень быстро.

К тому моменту моя канадская мечта разбилась. Я мечтал о странствиях, о создании живых общин, о проповеди новым людям. Но, оглядевшись в Москве, понял, что здесь, по крайней мере среди монахов, таких проектов нет, а в одиночку поднять подобную программу у меня не хватит сил. А после заседаний комитета, когда мою работу забраковали, но ничего лучшего не предложили, я окончательно впал во внутренний кризис. Пер-

спектива месяцами сидеть в четырех стенах за ноутбуком, составляя методички для людей, среди которых я чувствовал себя чужим, и ходить на бесплодные собрания вызывала у меня тихий ужас.

На заседаниях я наблюдал за одним старшим монахом. Вне встреч он изо дня в день мог спокойно сидеть в уединении, повторять мантру, изучать священные тексты и быть при этом по-настоящему счастливым. Я смотрел на него и с горечью признавался себе, что это не мой уровень и не моя природа.

Понимание того, что ты занимаешь чужое место и не знаешь, как найти свое, начало отравлять ум, и появились тревожные симптомы. Я заметил, что во мне просыпаются старые, давно забытые мирские желания. Я стал раздражительным, гневливым, мог сорваться на людей. Не нужно было быть гением психологии, чтобы предсказать, что если я останусь в этом положении, то скоро начну обижать людей, завидовать, соперничать и, чего доброго, искать нецеломудренного общения на стороне.

Пока человек не научился любить весь мир так же глубоко, как родных, ему нужна своя семья для эмоционального обмена. Это может быть монашеское братство или обычная семья. Но без такого теплого тыла внутри начинает расти эмоциональная сухость. Мое братство распалось, и я почувствовал, что засыхаю.

Взвесив все, я решил сменить уклад. Я человек дела, так что на всю эту революцию в жизни мне хватило месяца.

Как перестать быть монахом в аэропорту

Со своей будущей женой мы впервые встретились, когда вместе помогали приезжему гостю. Она приехала слушательницей на его семинар, а я его переводил.

Когда в моей голове уже начали зреть мысли о смене статуса, мы снова мельком пересеклись на одном из фестивалей, и я помог ей с какими-то вещами. Оглядываясь назад, могу дать совет. Если планируете оставаться монахом, никогда не помогайте незамужним девушкам, это чревато.

После этой безобидной помощи я решил ей написать. Как выяснилось позже, она тоже времени даром не теряла и уже аккуратно наводила справки о моем статусе через старших.

В это же время мне нужно было срочно слетать за границу, чтобы уладить дела с документами, и все две недели поездки мы непрерывно переписывались. В поездке никому не было дела до цвета моей одежды. Но возвращаться в Москву в шафрановой монашеской одежде, чтобы потом бесконечно отвечать на вопросы, почему я сменил ее на белую одежду семейного человека, мне не хотелось.

Поэтому я принял окончательное решение прямо в пути. Я зашел в туалет аэропорта в оранжевых монашеских одеждах, а вышел оттуда в обычных белых. Рубикон был пройден.

Свадьба за неделю и жизнь в прихожей

Прилетев в Москву, я сразу сел на поезд до Курска, где она меня и встретила.

Все мое имущество состояло из маленького рюкзака. У нее ситуация была ненамного лучше, потому что она сама лишь месяц назад ушла из женского монашеского ашрама, сняла крошечную квартиру-студию, разобрала свой единственный чемодан и только-только устроилась на работу.

По нашим классическим правилам этикета я должен был поселиться в храме, чтобы мы могли чинно видиться пару часов в день на нейтральной территории и постепенно узнавать друг друга.

Но мы решили пойти другим путем, и я поселился... прямо у нее в прихожей.

Три вечера подряд, когда она возвращалась с работы, мы сиделись и очень откровенно обсуждали, как видим нашу совместную жизнь. Трех дней нам хватило, чтобы все решить, а еще через три дня мы обменялись кольцами.

Так, от оранжевой монашеской одежды в аэропорту до обручального кольца прошла ровно одна неделя.

Девушкам я бы при этом посоветовал другой путь, более безопасный. О мужчине стоит узнать через старших, не сблизиться слишком быстро и общаться так, чтобы кто-то был в курсе, потому что и в религиозных общинах встречаются проходимцы, которые пользуются доверием женщин. Моя супруга мне доверилась, и мы пошли другим путем, но советовать его как стандарт я бы не стал.

Слон в комнате и температурный конфликт

Если говорить о конкретных критериях выбора спутника жизни, то главным, на мой взгляд, должна быть схожесть мировоззрения.

И речь не просто о вере в Бога, ведь верующие люди часто понимают одни и те же священные тексты совершенно по-разному. Нужна именно общность ценностей. Мы с женой мыслим в унисон, нам отзываются мысли друг друга, и в наших обсуждениях возникает настоящая синергия. Именно это глубокое единство ценностей помогало нам проходить через множество бытовых разногласий.

При этом я решительно против современного подхода, когда молодые люди выбирают партнера как обувь, по принципу «удобно или неудобно». Полгода «примеряют», понимают, что где-то жмет, и идут искать новую пару. А иногда и через пару лет брака решают сдать «обувь» обратно в магазин.

И все же особенности характера нужно учитывать на берегу. Мы за свои три вечера обсудили массу вещей вплоть до того, кто выносит мусор. Но трех дней было мало, нужно было хотя бы четыре, потому что мы забыли обсудить «слона в комнате». Точнее, обсудили, но как-то вскользь. У меня никогда не было планов заводить детей, а для супруги это было очень важно, и этот вопрос позже стал для нас серьезным камнем преткновения. В итоге у нас есть сын, но об этом — позже.

Кроме того, за три дня невозможно узнать вкусы друг друга. Оказалось, что в бытовом плане мы полные противоположности и в обычной жизни вряд ли бы пересеклись. Доходило до смешного. Первые пару лет, не преувеличиваю, каждый божий день повторялась одна и та же сцена. Супруга смотрит в окно и говорит: «Боже, какая чудесная погода!», а я именно в эту секунду думаю: «Какая же мерзость на улице...» Или наоборот, что-то нравилось мне, а супруге совсем нет. И так во всем, в еде, мебели, цветах, одежде, температуре. Особенно смешно выходило с температурой. Я из-за последствий детской операции не могу жить в квартире, где меньше двадцати семи градусов или есть сквозняк, а супруге становится плохо там, где жарко и мало воздуха. А быть по полгода Ихтиандром и Гуттиэре, конечно, романтично, но не очень практично.

В общем, Бог нас подобрал с юмором.

Но я верю, что даже если вы что-то не учли на берегу, это почти всегда решаемо. Для этого нужно иметь общие ценности и быть зрелым человеком, готовым к диалогу и к тому, чтобы встречать трудности вместе. В ссоре думать не так, будто мы друг против друга, а так, что мы вместе попали в сложную ситуацию, где нам трудно понять друг друга, и Господь послал ее нам для обучения. Как же нам поступить, чтобы вместе найти решение, которое действительно учтет наши ценности и потребности?

78

Правило «не расходиться» и бумеранг оскорблений

Прежде чем двигаться дальше, расскажу и о нескольких базовых элементах нашей семейной культуры, которые мы выработали методом проб и ошибок. Потому что к семейной жизни мы подошли, мягко говоря, без подготовки, и все подводные камни собирали собственными лбами.

Например, ссоры, куда же без них. В нашей семье выработалось твердое правило, без которого наш союз вряд ли продержался бы и год. Мы никогда не расходимся, поссорившись, и обсуждаем проблему до тех пор, пока не помиримся.

Сколько бы времени на это ни потребовалось, даже если придется сидеть до утра, не спать и с красными глазами идти на работу. Даже если придется опоздать на поезд в командировку и поехать на следующий день (да, так тоже приходилось делать). Конечно, если кто-то захлебывается от эмоций, можно

хлопнуть дверью и выйти проветриться на часок, но только для того, чтобы вернуться и все обсудить. В обсуждении мы стараемся не обвинять, а услышать потребности друг друга и мыслить с позиции «мы», о которой я писал выше.

Кстати, я заметил забавную закономерность. Если в ссоре я обесценивал какую-то потребность жены, бумеранг всегда возвращался. Если я отмахивался от чего-то, считая это «глупостями слабого женского ума», то через пару месяцев (или лет) я оказывался ровно в такой же ситуации. Я испытывал ту же самую неудовлетворенную потребность, и уже мне приходилось доказывать ее важность.

79

Кто выносит мусор в духовной семье?

Обязанности мы распределяем исходя из того, что сейчас лучше для семьи. У нас нет правил вроде «жена должна мыть посуду». Все бытовые обязанности, от заработка и мытья полов до готовки, выноса мусора и воспитания ребенка, у нас переходящие. Например, после появления ребенка весь быт пару лет был на мне. А в какие-то месяцы денег в семью через жену приходило больше, чем через меня (уходило, правда, тоже больше, но это уже отдельный разговор).

Нездоровое мужское эго часто использует слово «патриархат» как законный способ самоутвердиться за счет жены. Ощущение превосходства, желание доминировать, пренебрежение, фразы вроде «мыть посуду не мужское дело» к патриархату отношения не имеют, это обычная тирания. Здоровый патриархат, о котором часто говорят разные духовные традиции, озна-

чает, что тот, кто старше, берет на себя больше ответственности. Он первым извиняется в конфликте (даже если кажется, что не за что, потому что своя доля вины есть всегда), не позволяет себе обижаться на супругу и остается для нее надежной опорой.

Еще один важный вопрос в том, как вообще смотреть на своего спутника жизни. Минимально нужно видеть в жене соратника на духовном пути, но этот уровень оставляет лазейки для ума. Лучше видеть в ней душу, которую Сам Господь временно вверил тебе для защиты, и тогда у тебя есть серьезная ответственность за то, чтобы все, что с ней происходит, приносило ей благо.

80

Откуда берутся деньги, или Уроки английского в алтарной

В монастыре финансовый вопрос решается просто. Ты делаешь свое дело, и в обед перед тобой появляется тарелка супа (если, конечно, ты не руководитель, на котором висит все обеспечение). В семье суп сам в тарелке не появляется.

Теоретически я это, конечно, понимал, но всерьез задумался только после обмена кольцами. Я сидел и думал, откуда придут деньги, ведь после школы и университета я сразу ушел в монахи. Тогда я впервые за годы духовной жизни почувствовал нехватку денег. И дело было не только в том, что их стало меньше. В монастыре деньги были Божьи, а теперь я начал смотреть на них как на свои.

И тревога появилась ровно в этот момент. Пока я считал деньги принадлежащими Богу, мне не о чем было беспокоиться, потому что о Своем Он заботится Сам, а мне нужно было лишь честно ими распоряжаться. Как только они стали «моими», вместе с ними пришли и страх, и жадность, и ощущение, что все держится на мне. И разница между монахом и семейным человеком не в том, чьи у них деньги, потому что и в том, и в другом случае они Божьи. Семейному человеку Бог просто доверяет большую сумму и большую ответственность. Мы не хозяева того, что у нас есть, а управляющие, и с управляющего однажды спросят не за то, сколько он накопил, а за то, как распорядился.

Сначала я решил попробовать раздавать книги на улице, но быстро стало понятно, что триста рублей пожертвований за полдня семью не прокормят. Я примерил на себя роли риелтора и страхового агента, но с ними у меня выходило не очень, а работать сорок часов в неделю на обычной офисной работе мне не хотелось, потому что это время я хотел посвящать проповеди и комитету по образованию.

В итоге оказалось, что в языковых школах с распростертыми объятиями ждут людей с реальным опытом жизни за границей. Я стал преподавать английский, а потом ушел в частное репетиторство, где мог сам составлять свой график, и мне удалось совместить работу с тем, ради чего я жил. Многих учеников я принимал на дому. В одной из комнат у нас был красивый алтарь со статуэткой и картинами, и там же проходили занятия.

В первые пару встреч с новым учеником я закрывал алтарь ширмой и говорил: «Не обращайтесь на статуэтки, я просто увлекаюсь восточной философией, но мы на нее отвлекаться не будем, давайте учить английский». На третий-четвертый урок я уже оставлял алтарь открытым.

А на седьмой-восьмой раз встречал ученика в духовной одежде, в которой обычно и ходил по дому, объясняя: «Я так дома хожу, мне просто так удобно, не обращайтесь внимания».

Поскольку я никого ни к чему не агитировал, а язык преподавал качественно, ни один ученик от меня не ушел. Люди хорошо принимают ваши глубокие убеждения, если вы им следуйте, не давите на окружающих и остаетесь адекватным человеком.

Это, кстати, отличный вид проповеди, доступный каждому. Просто естественно следуешь своим идеалам, и люди начинают это уважать. А иногда и расспрашивать.

Помню случай уже после нашего переезда в Ростов. Ко мне на уроки ходил начальник департамента крупной фирмы, у которого единственное свободное время было в пять утра. И вот картина. Пять утра, мы сидим в алтарной комнате, я в духовной одежде, он в костюме, и мы на английском увлеченно спорим о карме и реинкарнации.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Дороги

Главы 81–90

Ростов-на-Дону, две сумки и чужие антресоли

В Курске, где жила супруга, мы по ряду причин решили не задерживаться. Свадьба наша состояла из обмена кольцами и похода в загс в джинсах и свитерах. После этого я написал своему учителю, советуясь, куда нам лучше переехать.

Он ответил на мое письмо в тот же день: «Езжайте в Ростов-на-Дону. Лидер общины там — человек, с которым ты найдешь общий язык, он о вас позаботится».

Мы собрали свои нехитрые пожитки в две дорожные сумки. Супруга уволилась с работы, а я тогда еще не стал репетитором и только искал заработок, так что мы остались без стабильного дохода и без сбережений. Денег не хватало даже на билеты, поэтому мы договорились со знакомым наших родственников, дальнобойщиком, что он возьмет нас попутчиками.

Я написал председателю ростовской общины, что мы переезжаем. Он ответил: «Приезжайте, вот адрес людей, которые пустят вас на первое время». Я написал дату приезда, и все. Я даже не удосужился уточнить, что это за люди и на сколько дней нас пустят.

В три часа ночи, посреди зимы, дальнобойщик высадил нас с двумя сумками на темной трассе под Ростовом. И мы шагнули в полную неизвестность.

Семья, пустившая нас к себе, разрешила жить у них столько, сколько потребуется для поиска квартиры. Когда мы начали искать жилье, оказалось, что цены для нашего бюджета неподъемные. Но одна женщина из местной общины сжалилась над

нами и сдала хорошую двухкомнатную квартиру дешевле «однушки». Я был очень благодарен, но... ответил ей в своем фирменном стиле.

► ВИДЕО

Квартира в Ростове

<https://teologmak.ru/bio#v16>

Въехав в квартиру, я обнаружил на антресолях и в шкафах кучу старых, явно давно не используемых вещей. Что должен делать нормальный квартирант? Не трогать чужое. А я подумал, зачем люди хранят этот хлам, жилище нужно держать в чистоте, помогу-ка я человеку избавиться от привязанности к вещам. И без спроса выкинул все ее вещи на помойку.

Мое сознание тогда работало так, что я творю добро и навою духовный порядок. Об уважении к чужой собственности я не думал вообще. Так духовная ревность без любви к человеку превращается в насилие над ним, причем мы совершаем его со спокойной совестью, потому что действуем «ради Бога». А Бог не просил меня наводить порядок в чужом шкафу, Он просил меня быть благодарным. Лишь значительно позже я написал ей, чтобы попросить прощения.

Вообще, ростовская община окружила нас заботой. А один из региональных руководителей предложил мне перевести философскую книгу с русского на английский и сделал за этот перевод такое щедрое пожертвование, что нашей молодой семье хватило, чтобы спокойно прожить первые три месяца, не впадая в панику от отсутствия денег.

Это ценно, когда ты оказываешься в обществе, где люди заботятся друг о друге. Тогда чувствуешь себя не безымянным

винтиком в религиозном механизме, а частью живой семьи Бога, и Господь в таком пространстве тоже становится ближе.

82

Необходимость наладить быт

В Ростове мы прожили ровно год. Первую половину года мы выстраивали свой семейный быт, который надо было, во-первых, наладить, а во-вторых, одухотворить. Что значит одухотворить быт? Прежде всего научиться смотреть на рутину через призму священных текстов. Видеть в пробках, на работе или дома декорации, в которых действуют законы Бога, и замечать, как разные утверждения писаний проявляются в жизненных событиях.

Кроме того, это значит связать свои повседневные мирские обязанности с высшей целью. Мыть пол можно по-разному. Можно просто тереть тряпкой ламинат, а можно при этом держать в уме, что я очищаю это помещение, потому что вечером здесь соберутся люди, чтобы петь имена Бога, а даже если не соберутся, здесь стоит алтарь, и я убираю жилище Бога.

В этом и заключается аскеза семейных людей, то есть в постоянном усилии связывать стирку, заработок и мытье посуды с Богом. А если этого не делать, жизнь быстро превращается в бессмысленную рутину.

Монастырь же дал мне привычку. Привычку начинать день с Бога, каждый день хоть немного читать и делать обычные дела так, будто их видит Господь. Святости во мне после монастыря было немного, но привычка оказалась переносимой в любую квартиру. Так что если вы, читая про подъемы в два часа ночи,

решили, что духовная жизнь не для вас, то вот ее домашний вид.

83

Иллюзия «И так сойдет»

Из активного служения я на то время выпал. В Ростове уже была своя крепкая команда со своим видением образования, в которое я со своими идеями не очень вписывался, а с всероссийским комитетом я тоже потерял связь.

Кроме того, мы жили на другом конце города от храма. Плюс, несмотря на привычку, со мной все же случился конфуз, знакомый большинству бывших монахов.

В ашраме тебя держит социальное давление. Если тридцать мужчин вокруг встают в четыре утра и идут в ледяной душ, у тебя просто нет шансов остаться в постели, и ты встаешь и идешь со всеми. Но как только это давление исчезает и ты остаешься с женой в теплой квартире, тут и проверяется твоя собственная стабильность. Я, привыкший ехать на топливе общины, не смог быстро перестроиться. Ранние подъемы сменились поздними, утренняя медитация сократилась, а по вечерам мы начали посматривать фильмы.

Семейная жизнь вообще очень коварна. Она все время шепчет тебе, что пора снизить планку, ведь у тебя столько дел. Без еды ты умрешь, без денег тебя выгонят на улицу, в бардаке жить нельзя, а без утренней двухчасовой молитвы ты как-нибудь проживешь.

И это правда, физически ты проживешь легко, но внутренне постепенно засохнешь. Потому что без ежедневной утренней

дисциплины у тебя просто не появится того возвышенного сознания, с которым нужно идти мыть полы и зарабатывать деньги. Без качественной практики все остальное, и работа, и быт, и отношения, опускается на обычный житейский уровень. Мне нравится пример с солнцем. Если несколько секунд посмотреть на него, то потом, куда бы ты ни взглянул, перед глазами будет стоять светлое пятно, потому что солнце отпечата-лось у тебя на сетчатке. Так и духовная практика оставляет след Бога на сетчатке сознания, и тогда оставшуюся часть дня, чем бы ты ни занимался, ты можешь делать это в должном сознании.

84

Спасательный круг и загородные встречи

Вторая половина года в Ростове началась для меня в тот день, когда один из старших руководителей ростовской общины принимал обет пожизненного монашества.

Его обеты принимал мой духовный учитель, и нам удалось полноценно поговорить. Он посмотрел на меня и сказал, что мне пора возвращаться в строй, назначив рабочую встречу в Москве через пару недель.

Комитет по образованию к тому времени почти перестал собираться, и учитель решил сменить тактику. Вместо громоздких советов он собрал маленькую группу из собственных учеников, и я начал регулярно ездить на эти встречи в Москву. Обычно мы уезжали на два-три дня за город, и это давало возможность очень тесного общения с учителем. Но здесь была своя опасность. Мой друг, например, сближался с ним больше, они

могли вдвоем пойти в баню. Я же старался не впасть в фамильярность, потому что, как только она возникает и почтение улетучивается, общение перестает быть плодотворным и скатывается на мирской уровень. Поэтому я сознательно избегал любых неформальных мероприятий и всегда старался держать здоровую, уважительную дистанцию.

Эти встречи шли три года. Сейчас, глядя на обилие курсов, школ и наставничества в нашем движении, трудно представить, какой пустыней была эта сфера тогда, когда единственным образованием был вводный курс раз в неделю в храме. Мы думали над тем, как уйти от сухой академичности, как превратить лектора в наставника, как приложить строгие духовные стандарты к жизни людей, у которых ипотека и дети, и как вынести образование из храмов в живые домашние группы. Много из того, что тогда обсуждалось на дачах, сегодня живет и работает, и это воодушевляет.

85

Черная плесень и фарфоровый сапожок

В тот ростовский период мы с супругой сильно сэкономили. Из-за служения я сократил уроки английского, доходы упали, и в Москву по делам я ездил на самых дешевых ночных автобусах, где спать было невозможно. После одной из таких поездок, когда я долго просидел в неудобной позе, да еще съел незрелый персик, у меня начались сильные боли в животе. Дало о себе знать тяжелое наследие детской операции. Сутки мы с супругой ждали, что мне станет лучше. На вторые сутки вызвали две скорые подряд, которые ограничились уколами. И лишь на тре-

ты сутки третья бригада экстренно госпитализировала меня с диагнозом «острая непроходимость кишечника».

Главный хирург посмотрел на меня мрачно:

— Если через пару часов от капельницы не станет лучше, срочно режем. Стадия запущенная. Если не оперировать, умрешь точно. Если оперировать, шансы пятьдесят на пятьдесят. Надеемся на лучшее, но ты на всякий случай с женой попрощайся.

Я смотрел на все это... Обычная обшарпанная больница с черной плесенью на стенах в туалете, и по ощущениям из инструментов там только градусник и скальпель. Рядом рыдает жена. На соседних койках стонут бедолаги после операций, у которых из тела торчат резиновые трубки... Мне с детства предсказывали, что в двадцать семь лет у меня будет сильный кризис со здоровьем. Что ж, прошу любить и жаловать.

Мои друзья успели забить тревогу. Духовный учитель проснулся и начал молиться. Ко мне в палату приехал лидер ростовской общины Ганга Нараяна и лично следил, чтобы обо мне не забыли врачи.

Через несколько часов хирург пришел с анестезиологом и сказал: «Готовим к операции, улучшений по рентгену нет». Я не знаю, как работают молитвы, но в ту секунду я всем нутром почувствовал, что мне лучше, операция не нужна и я выживу. Я начал отказываться от операции. Врачи смотрели на меня как на сумасшедшего и пугали смертью, но после часа споров мы с Ганга Нараяной отбились и подписали отказ от вмешательства.

Я уходил из отделения под напутствие хирурга: «Через пару часов тебя все равно привезут сюда, но моя смена уже закончится, вот мой личный номер, звоните».

Ганга Нараяна посадил меня в машину и повез по специалистам нетрадиционной медицины. Сразу скажу, что это не ре-

клама нетрадиционной медицины, потому что многие почему-то считают ее чем-то сродни духовности и калечат свое здоровье у шарлатанов. Я не против официальной медицины, а к неофициальной отношусь с прищуром подозрения. Но тогда мы нашли одного человека, который вместо скальпеля взял... маленький фарфоровый сапожок, купленный в сувенирной лавке на вокзале. Почти шесть часов он скреб этим сапожком все мое тело (это называется массаж гуаша). Когда я сполз с кушетки, я был одним сплошным черным синяком, но чувствовал себя так, будто вернулся с хорошего курорта, и боли полностью отступили.

Тот опыт, во-первых, дал мне глубокую благодарность тем, кто за меня молился и помогал, ведь не будь их, все могло бы сложиться совсем иначе. Во-вторых, он на какое-то время стер с меня шелуху. Я еще острее почувствовал, что нужно делать самое важное прямо сейчас, не размениваясь на мелочи, потому что никакого «потом» может не наступить. С тех пор судьба в профилактических целях раз в год устраивала мне небольшие кризисы, чтобы я не забывал о бренности бытия. А еще я решил, дабы не искушать судьбу со своей спаечной болезнью, сесть на пожизненную диету, исключив все фрукты и почти все овощи.

86

Испытание медными трубами и летящие помидоры

Этот случай стал последней каплей. Мы решили переехать поближе к Москве, чтобы мне было удобнее заниматься служеб-

нием. Выбор пал на Тулу, где благодаря помощи родителей супруги мы смогли взять в ипотеку свое первое жилье.

Кредит — штука давящая, ты сразу чувствуешь на шее ошейник несвободы. Но я не противник кредитов, если подходить к ним духовно и практично. Брать их нужно не ради незаслуженных удовольствий, а для создания базовых условий, которые позволят стабильно практиковать и служить. Если кредит будет помогать служению, его можно брать, а если будет мешать и отвлекать, лучше отказаться.

Через пару месяцев я снова был в гуще событий. В России как раз запускался курс, который я проходил в Индии, и так сложилось, что формально с ним в России был знаком только я. А через полгода его прохождение должно было стать обязательным для всех, кто хочет получить посвящение, то есть для любого активного члена движения.

Поэтому моя жизнь на следующие несколько лет превратилась в бесконечную командировку. Мне нужно было объехать всю Россию и подготовить преподавателей для ста общин по всей стране. Неделю я проводил выездной интенсив в каком-нибудь регионе (Поволжье, Урал, Золотое кольцо), неделю был дома и ехал в следующий регион. Дойдя до Дальнего Востока, я возвращался и начинал новый круг уже с другим курсом.

Для моей психики это было порой непросто. На эти курсы съезжались не новички, а аксакалы, столпы общин, люди со стажем практики под тридцать лет. А у меня тогда не было и десяти лет практики. И вот они съезжаются со всего региона, садятся за парты и внимательно слушают меня, мальчишку, на разные темы о духовности и теологии.

Иногда перед отъездами я ложился жене на колени и чуть ли не плакал, что мне страшно, ведь там будет сидеть Великий

Ужасный, который проповедовал, когда я еще пешком под стол ходил, а я должен учить его, как заботиться о людях.

Но, видя, что у меня получается, я быстро сменил страх на самодовольство. Это расслабилось, и я начал искренне гордиться своими лекторскими навыками. Незрелой психике очень легко поверить в собственное величие, особенно когда в культуре движения заложено уважение к преподавателю как к старшему. Поэтому меня селили в лучшую отдельную комнату, а где-то на двери даже висела табличка «комната гуру».

Господь решил немного сбить мою спесь. Мне поручили представить новый курс руководящему совету нашего движения в стране, тридцати ключевым лидерам движения в России. И я, надувшись от собственной важности, решил не просто сделать презентацию, а немножко их... поучить как «эксперт». Но они быстро это раскусили, закидали меня помидорами и размазали по стенке так профессионально, что я потом еще два года боялся выступать перед ними с любыми отчетами.

Мне понадобилось время, чтобы признать, что мой педагогический талант просто врожденный склад характера. Его можно ценить, но в плане духовности гордиться тут нечем. Мне нужно быть просто почтальоном. Тебе вручили посылку с милостью Господа, и твоя работа в том, чтобы бережно передать ее дальше. Более того, на таких курсах ты часто и вовсе ничего не передаешь, а просто становишься поводом, чтобы люди собрались и уделили время важным темам. А дальше Бог, видя их старания, все устраивает лучшим образом, и тебе нужно лишь не мешать.

При этом каждый раз, когда мне казалось, что я усвоил урок смирения, Бог повышал градус. Однажды в Москве на мой курс для наставников записалось больше ста человек, несших лидерское служение в нашем движении, и за полчаса до начала я

предложил разбить их на две группы, чтобы новичков вел я, а опытных «зубров» забрал мой духовный учитель, который тоже там был. Зал учитель разделить согласился, а вести старших отказался: «Их будешь вести ты». И вот я стою перед людьми, у каждого из которых десятки, а то и сотни подопечных, в первом ряду в качестве «студента» сидит мой собственный учитель, а у меня пятнадцать минут до начала и никаких материалов для такой аудитории, потому что они сами могли бы вести этот курс. Спасло меня то, что обучать не значит читать лекцию, обучать значит создать атмосферу, в которой люди учатся. Я дал им тему «Сообщество наставников» и просто помогал им делиться опытом друг с другом.

87

Хлеб с маслом

Но вернемся к моим образовательным турам по регионам.

Материала было много, а дней на курс всегда не хватало, поэтому занятия шли по восемь-девять часов в день. Добавьте к этому утреннюю программу, обязательную подготовку к лекциям и попытки по вечерам преподавать английский. Пожертвований от студентов обычно хватало только на обратный билет и, может быть, на хлеб. Но ведь хлеб хотелось есть с маслом.

Этот режим меня изрядно выматывал. Вернувшись домой, я неделю «отсыхал», преподавая язык и параллельно собирая материалы для следующего курса, а как только этот «отдых» заканчивался, собирал чемодан и ехал в новый регион.

Впрочем, эти годы по плотности переживаний напоминали времена нашего канадского автобуса. В интенсивной совместной работе есть особый вкус. Когда люди съезжаются, отказываются от комфорта, жертвуют временем и самолюбием, чтобы вместе делать что-то сложное ради Бога, Он всегда откликается удивительной атмосферой. Студенты часто не хотели разъезжаться по домам, потому что понимали, что стоит им выйти за дверь, и этот вкус растворится. И часто в конце курсов люди, которые еще неделю назад не знали друг о друге, плакали, не желая расставаться.

Правда, из-за нехватки квалификации я тогда не смог сбалансировать свою жизнь, и из-за усталости в поездках все чаще относился к утренней молитве по остаточному принципу. Но нельзя быть проводником духовности, если твой собственный аккумулятор разряжен. В какой-то момент я понял, что начинаю больше играть в духовность, чем жить ею.

Одновременно с этим, спустя два или три года таких скитаний, мне неожиданно предложили оклад. Платила не организация, просто у учителя были ученики, готовые поддержать эту деятельность, лишь бы она продолжалась. По тем временам это были достойные деньги, и я мог заниматься любимым делом, больше не думая о выживании. Это было большим благословением. Когда в служении не нужно мучительно думать о деньгах, ты сосредотачиваешься на сути, а постоянная нужда, как вода камень, незаметно точит служение и превращает его в унылую работу. Без этой поддержки я бы, скорее всего, тогда просто сломался и бросил служение. Удивительно, как Небеса, зная нашу ситуацию, вовремя посылают спасательный круг.

Валенки в Омске и клопы в Москве

Бытовые условия в тех поездках заслуживают отдельного комедийного сериала.

Однажды звонят из Омска: «Приезжай на майские праздники! Мы тут новый центр строим, помещение огромное, светлое, окон много!» Единственное, что они забыли уточнить, это что в эти огромные окна еще не вставили стекла.

В мае там еще холодно, так что мы со студентами жили и занимались при температуре чуть выше нуля. Жаль, не осталось фотографии, где я стою у доски в валенках, зимней куртке и шапке-ушанке, в лицо мне дуют две тепловые пушки, а студенты сидят за столами в таком же виде.

В другом уральском городе организаторы перемудрили с рекламой. Подходит ко мне студент и со вздохом говорит: «Я все понимаю, организовать сложно. Но когда я узнал, что „комфортбельные двухместные номера“ из рекламы на самом деле обычные туристические палатки...»

В Сочи мы неделю по девять часов в день сидели в глухом помещении под раскаленной металлической крышей, где не открывалось ни одно окно. На улице август, внутри плюс сорок, и дышать нечем.

А в Анапе зимой нам, наоборот, выделили неотапливаемое помещение. На третий день такого преподавания я слег с температурой под сорок. Подменить меня было некому, а отменить двенадцатидневный курс было нельзя, ведь люди приехали со всей страны, и пришлось преподавать в лихорадке. Вдобавок в моей комнате обвалился потолок, и талая вода с крыши круг-

лые сутки лилась через дыру прямо сквозь мою комнату на нижний этаж.

В Москве нас пару раз селили в номера с клопами. Администрация, правда, заботливо побрызгала дихлофосом со словами: «Ну, они вас еще разок укусят и на обратном пути помрут, вы их потом просто совочком сметите».

Во Владивостоке меня накрыла разница во времени, так что я засыпал в два ночи, а в четыре уже нужно было вставать.

В общем, веселья хватало с избытком, но на все эти аскезы Бог отвечал глубоким внутренним вкусом. Вдобавок к этим испытаниям нам с женой, которая иногда ездила в поездки со мной, досталась возможность увидеть красоту нашей страны. Когда спешка первых лет спала, мы стали добавлять к поездкам пару дней, чтобы поехать по окрестностям. Я очень люблю природу, потому что через нее можно увидеть руку Бога, и особенно люблю горы.

89

Как ругаются мудрецы

Мой учитель регулярно брал меня на заседания Руководящего совета страны под предлогом, что я буду секретарем.

Нам почему-то кажется, что духовные лидеры не должны ссориться. Еще как могут. На управленческих собраниях разворачивались настоящие баталии, и каждый искренне, до хрипоты, бился за то, как сделать лучше. Разница лишь в том, что в таком споре сражаются не за личную победу, а вместе ищут истину.

Однажды двое очень уважаемых людей резко, на повышенных тонах критиковали друг друга, и в воздухе висела, казалось бы, откровенная вражда. Мой сосед даже обеспокоенно спросил, нормально ли я это переношу. Но как только заседание закончилось... эти двое обнялись, начали шутить и в обнимку пошли вместе обедать.

Конфликты в деле не должны разрушать отношения. Если ты умеешь отделять вечную душу от мнений ума, то рабочие споры никогда не сделают вас врагами. И когда младшие видят, как ссорятся старшие, не нужно паниковать. Мы оцениваем их через призму своей зависти и гнева, а их чувства при всей их силе имеют совсем другую, чистую природу.

90

Бомбейский экомом, крысы и летучие мыши

Так, в бесконечных командировках, составлении курсов и управленческих собраниях, пролетело несколько лет. Все это время я работал под надежным крылом своего духовного учителя, будучи его помощником.

Но однажды эта теплица закрылась.

Учитель позвонил мне и сказал, что хочет запустить в России серьезную учебную программу для руководителей.

— Через пять дней ты должен быть в Индии, — скомандовал он. — Поедешь на месяц, пройдешь обучение сам, познакомишься с организаторами колледжа под Бомбеем и договоришься о переносе их модели к нам.

Я отменил все дела, собрал сумку и вылетел. Учебный кампус рядом с Бомбеем оказался прекрасным местом, где все

было продумано до мелочей. Правда, все нормальные жилые корпуса были уже заняты, поэтому меня поселили в местный «экодом».

Звучит модно, но на деле это была хижина из соломы с земляным полом и без электричества. В первую же ночь огромная крыса размером с кошку прогрызла мой рюкзак насквозь, а по ночам под соломенную крышу прилетали спать стаи летучих мышей, свисая прямо у меня над головой.

Через месяц я успешно договорился о том, как мы запустим этот проект в России. Курировать его должен был мой учитель. И вдруг, как гром среди ясного неба, учитель выпускает официальное письмо, в котором объявляет, что приостанавливает все свои административные дела и улетает поправлять здоровье и заниматься личной духовной практикой.

Я совершенно этого не ожидал, он ни словом не обмолвился о таких планах. В одночасье я лишился руководителя. Человек, чьим помощником я был, ушел в тень, и вся ответственность за духовное образование в России внезапно легла на мои плечи.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Последние десять лет

На этом моя история, конечно, не заканчивается, но здесь я сознательно ставлю многоточие. С момента моего знакомства с Давидом до конца описанных здесь событий прошло всего десять лет. Описание я закончил 2016 годом, а пишу эту книгу в 2026 году. Отступ примерно в десять лет я оставил не случайно, потому что мне нужно это время, чтобы отделить эмоции от настоящих уроков и не писать о том, что еще не до конца пережито. И только годы дают дистанцию, с которой на свои решения можно смотреть трезво.

Но коротко о том, что происходило со мной с тех пор, и как я пришел туда, где нахожусь сейчас, я рассказать могу.

Несколько лет я отвечал за все вайшнавское образование в России. Это был самый загруженный период моего служения, когда за день я мог поговорить по телефону или в переписке с несколькими десятками, а то и с сотней человек, и при этом продолжал ездить по стране. Тогда же я создал свою онлайн-школу по углубленному изучению философии нашей традиции. В те годы я учился вести дела и организовывать людей на духовной основе, а заодно смотреть на мир масштабнее, чем раньше. Получалось неплохо, и в какой-то момент мне дважды предложили отвечать за подготовку преподавателей теологии в нашем движении по всему миру. Но оба раза я отказался, а вскоре отошел и от руководства образованием в России.

Такой резкий поворот произошел потому, что я почувствовал, как Господь дал мне исполнить свои мирские амбиции и побыть важным человеком. Я занял заметное место в религиозной иерархии и сделал много проектов, которые так или иначе многим помогли. Но когда это случилось, я увидел, что новые роли держат меня так же крепко, как когда-то роль странствующего проповедника, и так же пусты сами по себе. Мне захотелось уйти вглубь, к самой духовной практике и к своим отно-

шениям с Господом, а не строить дальше внешние структуры. На это наложилась эпидемия ковида в 2020 году, которая остановила мои поездки, а также рождение сына и микроинсульт у супруги. Он заставил меня задуматься о том, какие из моих отношений в этой жизни настоящие, а какие поверхностные, и я решил больше не распыляться на множество неглубоких связей, а выстраивать полноценные отношения с теми, с кем меня действительно свела судьба.

Так начался другой период моей жизни, в котором я стал много писать. Первым делом я сохранил на бумаге весь свой опыт в образовании, и из него вышло четыре книги, а потом открыл личный блог, где писал для читателей из своей традиции. Мне понравилось делать глубокие исследования по разным вопросам теологии восточных традиций, и с тех пор я написал в общей сложности около трех тысяч страниц, то есть примерно десять классических томов.

Следующий поворот случился с началом военных действий между Россией и Украиной. Я понял, что со времен автобуса слишком сосредоточился на помощи тем, кто уже всерьез идет духовным путем, причем лишь в одной традиции. А мир отчаянно нуждается в том, чтобы понимание Бога стало гораздо шире. Не в том смысле, чтобы все стали религиозными, а в том, чтобы люди, которые сами идут духовным путем, могли предложить остальным здоровую альтернативу материализму. Что вера в Бога может дать конкретному человеку в его повседневной жизни? Что она может дать науке или политике? С этими вопросами я вернулся к изучению теологии разных традиций и других школ мысли, и из этого выросли работы, которые можно найти на моем сайте.

В последнее время, когда вокруг искусственного интеллекта поднялся такой шум, я понял, что для многих он станет рели-

гией нашего века, и стал подробнее изучать, как он устроен, чтобы написать о том, как сделать, чтобы он принес людям больше блага, чем вреда. Причем писать, пожалуй, прежде всего для него самого, в его далекой будущей версии. А заодно сделал небольшую собственную версию помощника, построенного на искусственном интеллекте, которая помогает человеку думать и жить так, чтобы в центре оставался Господь.

Постепенно я стал размышлять и об обществе духовных людей, о котором пока коротко написал [здесь](#), и к возникновению которого планирую прилагать усилия в ближайшие годы.

Но это все внешняя занятость. Если же говорить о внутренней жизни, то параллельно с этим два года мы с семьей провели в паломничествах, а потом переехали из города, где все перемешано, в поселение, где собрались люди, много лет всеерьез идущие духовным путем. В таких условиях можно постепенно выстраивать жизнь на духовных принципах, то есть учиться в духовном ключе общаться с соседями, вместе работать, учить детей и решать общие бытовые дела. В главе о сибирской общине я писал, что главное достояние любой традиции не книги и не храмы, а умение создать из них семью единомышленников, и теперь мы пробуем строить такую семью не на один вечер, а на всю жизнь.

Сам же я стал гораздо реже бывать в храме и больше времени проводить на природе, потому что через красоту этого мира стал глубже чувствовать Господа. В семнадцать лет я встал на духовный путь, поняв, что в мире разлита красота и у нее есть Источник. Теперь мы живем недалеко от моря, и я стал чаще уезжать туда, чтобы смотреть на закатное солнце над водой, а ночью лежать у себя на участке на траве и смотреть на далекие звезды, по вечерам жечь костры, а днем ходить в по-

ходы, и периодически ездить в горы, где могущество и величие Бога ощущаются мною особенно ярко.

И в целом я стал внимательнее к тому, чтобы выстраивать собственные внутренние отношения с Ним, чувствовать, куда Он меня ведет, и искать, что я мог бы сделать такого, что действительно Ему понравится. Впрочем, здесь я лишь в начале пути и очень нуждаюсь в ваших благословениях, чтобы эта глубина росла и дальше.

И напоследок сам вернусь к благословию, которое дали мне новосибирские девушки перед моим отъездом в Канаду, «пусть тебе нигде в материальном мире не будет счастья». Несмотря на всю его необычность, это было одно из самых добрых пожеланий в моей жизни, потому что земное счастье при-

ходило и уходило, а то, что не уходило, всегда было связано с Богом. Этого я желаю и вам.

Спасибо вам за то, что прошли со мной через все эти годы. Надеюсь, это путешествие было для вас ценным. И ценным не просто на уровне ума, но на уровне внутренней опоры, когда более ясно чувствуешь, куда и как двигаться дальше, и каким сделать свой следующий небольшой шаг.

К О Н Е Ц

ОБ АВТОРЕ

Тихон Макаров

По образованию я математик, но ещё в студенческие годы меня очень увлекли вопросы веры. Ведь смотря на устройство нашего мироздания сквозь научную призму, невозможно не заметить, как удивительно и гармонично устроен этот мир.

Тогда я на последних курсах оставил вуз и начал изучать различные философские и религиозные воззрения. С тех пор я около пяти лет провёл в монастырях, два года — в паломничествах, и почти пятнадцать лет служил как теолог и богослов. Самое важное для меня — это Истина. Попыткам её постижения я и посвятил свою жизнь.

Работы автора: <https://teologmak.ru>

ПОДДЕРЖАТЬ АВТОРА

Я стараюсь быть полезен вам. Но невозможно только отдавать и ничего не получать, ведь однажды ты просто не сможешь больше отдавать. Поэтому, если прочитанное было для вас ценным, вы можете поддержать мою деятельность. Любой удобной для вас суммой. Разово или ежемесячно.

Разово или ежемесячно, любой суммой:
<https://teologmak.ru/bio#support>

БЫТЬ НА СВЯЗИ

Там я периодически говорю о чём-то, что мне покажется важным. Подпишитесь, если хотите быть в курсе.

Telegram <https://t.me/teologmak>

YouTube <https://www.youtube.com/@teologmak>

MAX https://max.ru/join/E_la0RaxGzwXpEtK7RKSU6qw96-xfci6oKjJFRqqXUk

VK <https://vk.com/teologmak>

Канал автора в Telegram

Если Бог один, почему мы видим Его таким разным? Книга о едином духовном пути в разных традициях.

<https://knigaserdca.ru/>